

ЗАПИСКИ ГРАФА ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТАГО.

Скончавшійся на 78-мъ году отъ роду, 14 Марта 1884 года, графъ Д. Н. Толстой принадлежалъ къ числу достопамятныхъ людей Русской земли, и мы признательны вдовѣ его за позволеніе обнародовать нижеслѣдующія выдержки изъ его Записокъ, къ сожалѣнію не конченныхъ. Живой умъ и дѣятельное сердце постоянно влекли его къ участію въ современной жизни и, нѣсколько разъ принимаясь за свою автобіографію, онъ покидалъ ее для какого нибудь другаго труда, который болѣе занималъ его. Богословіе, исторія, археологія, языкознаніе и внутренняя политика были предметами его долгихъ и всегда самостоятельныхъ наблюденій и разслѣдованій. Многихъ людей вывелъ онъ на плодотворную дѣятельность; немало дѣльныхъ сочиненій по вышеназваннымъ предметамъ одолжены ему своимъ починомъ. Человѣкъ глубокой вѣры, но безъ малѣйшей тѣни ханжества и непрошеннаго наставничества, онъ въ тоже время былъ многосторонне образованъ. Его уважали и любили отъ крестьянской избы и монастырской кельи до дворцовъ и министерскихъ палатъ, и лишь стойкость нрава помѣшала ему занимать первенствующія должности. Долго не позабудется имя такого вѣрнаго сына церкви и такого истинно-Русскаго человѣка, какимъ былъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой. П. Б.

I.

28-го Марта 1872 г. ¹⁾

Давно и многіе совѣтовали мнѣ приступить къ составленію записокъ о моей жизни, и я уже не разъ начиналъ ихъ. Первые мои годы до 14-тилѣтняго возраста описаны мною еще въ сороковыхъ годахъ и напечатаны въ тоже время въ «Иллюстраціи», изд. А. П. Башуцкимъ, въ какомъ именно году не помню ²⁾, подъ заглавіемъ «Автобіографія

¹⁾ Писано въ Сергіевомъ Посадѣ.

²⁾ 1848 г., № 33.

обыкновеннаго человѣка». Гораздо позже, уже по выходѣ моемъ изъ департамента полиціи исполнительнѣй, описано мною служеніе мое въ должности директора этого департамента, но не доведено до конца и брошено во множествѣ другихъ моихъ бумагъ въ селѣ Толстыхъ. Нѣкоторое время службы моей также записано въ особо переплетенной книгѣ, озаглавленной: «Diarius», и находящейся въ моей Знаменской библіотекѣ. Это описаніе ведено въ формѣ дневныхъ записокъ и заключается въ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ изъ моей Рижской жизни ³⁾. Но всѣ эти попытки были отрывочны, не имѣли продолженія и принесены въ жертву моей лѣни.

Жизнь моя сама въ себѣ не представляетъ ничего особеннаго, развѣ только то, что я провелъ ее безплоднѣ многихъ другихъ. Неутѣшительныя, стало быть, будутъ для меня многія воспоминанія, и по самолюбію я не долженъ былъ бы рѣшиться на изложеніе ихъ въ этой тетради. Но, съ одной стороны, настоянія моихъ друзей, а съ другой—совершенное отсутствіе всякой дѣятельности заставляютъ меня рѣшиться на этотъ трудъ, особенно при мысли, что эти строки со временемъ будутъ прочтены, если не съ пользою, то, надѣюсь на милость Божию, съ любовію, моимъ сыномъ, котораго я люблю больше всего на свѣтѣ...

Я родился 12-го Марта 1806 года въ с. Знаменскомъ, Толстыя тожъ, Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда ⁴⁾, отъ отца графа Николая Ѳедоровича и матери гр. Натальи Андреевны, урожденной княжны Львовой. Семейство наше состояло изъ пяти сестеръ и трехъ братьевъ; я былъ самый младшій. Не буду я расхваливать здѣсь моихъ родителей: всякая похвала имъ отъ нѣжно любившаго ихъ сына могла бы показаться преувеличенною или пристрадною, чего я не отрицаю. Скажу однакоже, что, насколько я могу отвлечься мысленно отъ всякаго пристрастія, мнѣ кажется, что они были люди строго благочестивые, добрые и несомнѣнно честные. Насъ они любили нѣжно, а мы, можно сказать, боготворили ихъ. Гостепріимство составляло главную черту отца, любовь къ человѣчеству и невозмутимыя кротость и доброта сердца—матери. Кого-кого не жило въ нашемъ домѣ? Кто не

³⁾ Напечатано въ статьѣ „Прибалтійскій край“. Изъ дневника Русскаго чиновника (1845—1846). Русскій Архивъ 1881 г. III, 85.

⁴⁾ Покойный графъ такъ любилъ это помѣстье, что за нѣсколько лѣтъ до кончины испросилъ себѣ право прибавить его названіе къ своему имени и подписывался: „Графъ Толстой-Знаменскій“. П. Б.

находилъ въ немъ пріюта? Кромѣ неизбѣжныхъ гувернера и гувернантки жилъ у насъ танцевальный учитель, Полякъ, выписанный изъ Москвы на четыре мѣсяца и прожившій въ нашемъ домѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ. Онъ и умеръ у насъ. Жилъ Нѣмецъ управляющій, жила Голандка-экономка, жили нѣсколько странниковъ, отставныхъ офицеровъ и т. п. Эти послѣдніе постоянно смѣняли другъ друга, тогда какъ первые и померли у насъ; впрочемъ, нѣкоторые и изъ послѣднихъ нашли себѣ вѣчный пріютъ подъ сѣнію нашей приходской церкви. Наконецъ, постоянно пребывали шуты и дураки, неизбѣжная принадлежность всякаго барскаго дома того времени, наравнѣ съ псовой охотой, хоромъ музыкантовъ и пѣвчихъ. Прислуга была, разумѣется, крѣпостная и составляла человѣкъ сорокъ мужчинъ и столько же женскаго пола. Къ ней же относились, хотя стояли гораздо выше, изъ мужчинъ—дворецкій, камердинеръ отца и казначей или буфетчикъ, а изъ женщинъ домовая ключница, барскія барыни и отставныя мамы и няни. Всѣ они имѣли особый столъ и свою особую прислугу.

Образъ жизни у насъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ мѣстныхъ дворянъ. Родители радушно принимали гостей, и сами по временамъ ѣзжали къ сосѣдямъ. Старшія дѣти почти всегда ѣздили съ ними; бирали иногда и насъ. Чтò касается до меня, это не составляло для меня особеннаго удовольствія: я нигдѣ не встрѣчалъ такого большаго и хорошо содержимаго сада, какъ у насъ, и нигдѣ не рѣзвился такъ какъ дома.

Мы ежегодно, обыкновенно лѣтомъ, ѣзжали въ Задонскъ. Туда привлекало отца благоговѣйное чувство къ памяти преосвященнаго Тихона, и тамъ же былъ погребенъ родной братъ отца графъ Степанъ Ѳедоровичъ. Сборы въ это путешествіе всегда были очень продолжительны, и самая поѣздка длилась всегда не менѣе недѣли, хотя Задонскъ отъ насъ отстоитъ всего только на сто верстъ. Поѣздъ былъ предлинный: карета для матери, другая для сестеръ съ гувернанткой, коляска для отца, коляска для братьевъ съ гувернеромъ (я и младшія сестры помѣщались съ матерью), дрожки, брички (тарантасовъ тогда не знали) для женской прислуги, фургонъ для постелей, другой для кухни и палатокъ. Все это тянулось почти шагомъ; рысь допускалась только подъ изволоки. Мы останавливались въ полѣ, близъ селеній, чтобы можно было запастись провіантомъ и фуражемъ. Если погода благопріятствовала и мѣстоположеніе нравилось, отецъ послѣ обѣда ложился отдыхать, потомъ пили чай, ужинали и ночевали. Бывало и такъ, что на другой день выѣзжали въ дальнѣйшій путь послѣ обѣда. Для насъ эти путешествія были праздникомъ.

По приѣздѣ въ Задонскъ, мы останавливались въ гостинницѣ, помѣщавшейся внутри самаго монастыря, и тотчасъ же отправлялись въ церковь и потомъ въ палатку преосвященнаго. Она помѣщалась подъ алтаремъ, и туда сходили нѣсколькими ступенями внизъ. Въ срединѣ, подъ сводами, стоялъ надгробный саркофагъ Тихона, на которомъ сверху было чеканное вызолоченное его изображеніе во весь ростъ. Здѣсь, во мракѣ, разгоняемомъ лампадами и свѣчами, служили панихиду по усопшемъ. Заунывное погребальное пѣніе, прерываемое воплями бѣснующихся кликушъ, производило на меня сильное, потрясающее впечатлѣніе: я страшно боялся и съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода оттуда на свѣтъ Божій.

Мы были знакомы со всѣми монахами и знали по имени каждаго. Приѣздъ нашъ былъ радостью и для нихъ, и для меня. Они были всегда очень довольны угощеніемъ отца и его подарками, а я просфорами и вишнями, которыми они меня угощали.

Я уже сказалъ, что родители мои были люди благочестивые. Они жили по старинному и воспитывали насъ въ томъ же духѣ. Посты у насъ содержались строго; по Средамъ и Пятницамъ ѣли постное. Наканунъ праздниковъ и воскресныхъ дней служили всенощную. Отецъ хорошо зналъ церковный уставъ и самъ пѣвалъ на клиросѣ. Съ раннихъ лѣтъ приучилъ онъ меня читать и канонаршить стихиры. Помню, что въ награду за хорошее мое поведеніе отецъ приготовилъ мнѣ подарокъ въ мои именины. Недѣли за двѣ до дня Св. Дмитрія (21-го Сентября), онъ началъ учить меня на распѣвъ Апостолъ святителямъ. Такъ какъ по малолѣтству я не могъ держать въ рукахъ большую книгу Апостола, то мнѣ сдѣлали маленькій складной аналой, и я на немъ прочелъ въ церкви, въ день своихъ именинъ, Апостолъ къ Евреямъ, оставшійся и доселѣ у меня въ памяти: «Братіе, повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтесь, ти бо бдѣтъ о душахъ вашихъ» и пр.

Между тѣмъ время шло. Старшіе братья подрастали, и наступала пора выходить изъ родительскаго дома. Это было чрезвычайно тяжело для отца, который любилъ насъ безгранично и особенно старшаго моего брата Александра, который вообще былъ любимцемъ всей семьи. Другой братъ Иванъ былъ тѣлосложенія слабаго и вообще болѣзненнаго, а потому не могъ и помышлять о военной службѣ, куда теперь готовился старшій. Сборы были продолжительны; братъ нетерпѣливо ждалъ отъѣзда: его привлекала новостъ его положенія, а главное Москва, гдѣ стоялъ полкъ, въ который хотѣли его опредѣлить, и военный мундиръ, составлявшій въ то время идеалъ блаженства каждаго дворянскаго недоросля. Братъ Иванъ, уже приученный къ мысли о недо-

ступности для него военной службы, не могъ однако побѣдить въ себѣ чувство зависти счастью Александра; а я, сознавая, что еще слишкомъ малъ для военной службы, оправдывалъ свою зависть будто бы желаніемъ учиться и поступить въ университетъ, не понимая самъ, что это за учрежденіе и думая, что тамъ можно начать учиться чуть-ли не съ азбуки.

Наконецъ наступило время отъѣзда. У насъ въ то время гостила тетка, родная сестра отца, Варвара Ѳедоровна Дохтурова: съ нею отпустили брата въ Москву и снабдили его рекомендательнымъ письмомъ къ родственнику нашему Василию Никаноровичу Шеншину, квартировавшему въ Москвѣ, гдѣ у насъ было немало и другихъ родныхъ, съ которыми однакоже мы были незнакомы, такъ какъ далѣе Задонска изъ дому не выѣзжали. Тяжела была эта первая разлука. Мать рыдала, отецъ видимо былъ разстроенъ, и мы всѣ плакали. Плакала и прислуга не только потому, что видѣла плачущихъ господъ, но по неподдѣльной любви и привязанности ко всѣмъ намъ, что тогда было не рѣдкостью. Братъ прощался со всѣми и каждымъ и уѣхалъ полный волненія и горя. Для меня это была первая печаль, которую испытывалъ я въ моей жизни; долго я не могъ утѣшиться...

Описывая впечатлѣнія и событія этого періода моей жизни, я едва не забылъ упомянуть о событіи всемірнаго значенія—о войнѣ 1812 года; но самый этотъ пропускъ въ моей памяти доказываетъ, какъ слабы были впечатлѣнія, какія оставила во мнѣ эта знаменитая эпоха нашей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было тогда всего шесть лѣтъ, и у меня остались въ памяти только непосредственныя мои воспоминанія: ходъ общихъ событій, тѣ или другія потери были для меня недоступны. Не могу однакоже сказать, чтобы я былъ совершенно равнодушенъ къ войнѣ; безпрестанные о ней разговоры, рассказы о храбрости нашихъ войскъ, и особенно рассказъ о подвигѣ генерала Раевского, пошедшаго въ бой съ двумя сынами-юношами, сильно дѣйствовали на младенческое мое воображеніе, и я не разъ видѣлъ во снѣ, что своеручно убилъ Наполеона, имя котораго было предметомъ всеобщей ненависти.

Хотя однажды, въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ, отецъ мой, указывая на меня, игравшаго въ той же комнатѣ, сказалъ шутя: «вотъ и онъ будетъ говорить, что былъ современникомъ настоящихъ событій»: со всѣмъ тѣмъ я долженъ теперь отказаться отъ личныхъ воспоминаній. Помню только, какъ ежедневно чрезъ нашу деревню съ одной стороны на соединеніе съ арміей шли иррегулярныя войска Башкиръ и Киргизовъ, а съ другой—гнали толпы военнопленныхъ. И тѣхъ и другихъ отецъ принималъ съ обычнымъ гостепріимствомъ. Офицеры обѣ-

дали за нашимъ столомъ; нижнихъ чиновъ угощали на дворѣ предъ нашими окнами. Одинъ изъ военнопленныхъ Французовъ, капитанъ Паганъ (Pagan) жилъ въ то время въ нашемъ домѣ. Онъ оставилъ самыя свѣтлыя о себѣ воспоминанія и въ послѣдствіи, по возвращеніи въ отечество, будучи комендантомъ Киберонской крѣпости въ департаментѣ Морбиганскомъ, онъ не забывалъ насъ и былъ съ нами въ перепискѣ. На него, на гувернера нашего Итальянца Маркіо, на танцмейстера Поляка и на управляющаго Нѣмца было возложено угощеніе пленныхъ, каждаго по его національности. Странно, что эти угощенія, какъ я хорошо помню самъ и знаю отъ старшихъ меня, не возбуждали ни малѣйшей непріязненности въ крестьянахъ, которые толпами, особенно въ первое время, стекались посмотреть на нихъ. Они даже оправдывали ихъ говоря: «вѣдь не своей волей шли, Бонапартъ гналъ». Когда подумаешь, что тягость тогдашней войны не могла не ощущаться каждымъ изъ нихъ, которые, кромѣ усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ, только что поставили ратниковъ изъ девятидесятаго и несли тягостные поборы въ видѣ податей, фуража и провіанта для проходящихъ партій: то невозможно не отдать справедливости тому добродушію и любовности, которыя составляютъ отличительную черту Русскаго народнаго характера.

Возвращаюсь ко времени разлуки нашей съ братомъ Александромъ. Это было, помнится, въ 1818 году. Здоровье отца, уже и прежде начавшее клониться къ упадку, теперь видимо слабѣло. Онъ не могъ уже ходить безъ палки, а иногда долженъ былъ прибѣгать къ пособію слуги, который водилъ его подъ руки. Разлука съ любимымъ сыномъ и измѣняющее здоровье сильно дѣйствовали и на моральную его сторону, и онъ, отличавшійся прежде стойкостью и веселостью характера, теперь становился часто унылымъ и задумчивымъ. Я помню, что во время служившихся у насъ всеночныхъ, онъ при чтеніи въ Евангеліи отъ Іоанна словъ Спасителя Петру: «Егда бѣ юнъ, поясаеша самъ и хождаша, аможе хотяше; егда же состарѣешия и воздежеша руцѣ твои, инъ тя пояшетъ и водеть, аможе не хочещи», воздѣвалъ руки, и слезы навертывались на глаза его!

Понятно, что, при такомъ положеніи хозяина, домъ нашъ рѣже посѣщался гостями; притомъ же нѣкоторые изъ пріятелей переселились въ Москву, другіе отошли въ вѣчность; авторитетъ отца въ уѣздѣ начиналъ ослабѣвать. Нашелся человекъ, который воспользовался безпомощностью старика, уже одною ногою стоявшаго въ гробу, и беззащитностью женщинъ и дѣтей, чтобы нанести ему безнаказанно оскорбленіе, ничѣмъ не заслуженное. Это былъ нѣкто Василій Николаевичъ Анохинъ, дворянскій засѣдатель Данковскаго Земскаго Суда.

Онъ и прежде былъ вхожъ въ нашъ домъ. Служа сначала простымъ подъячимъ, онъ, конечно, не бывалъ у насъ далѣе прихожей, въ которой между прислугою имѣлъ даже пріятелей. Потомъ, дослуживъ до класнаго чина, онъ вздумалъ доказать свое дворянское происхожденіе. Тогда это было не трудно—нужно было только представить въ депутатское собраніе свидѣтельство отъ нѣсколькихъ почетнѣйшихъ дворянъ о томъ, что онъ принадлежитъ къ этому сословію. Я помню, что отецъ мой первый подписалъ о немъ такую бумагу. Разъ признанный дворяниномъ, онъ вскорѣ добился выбора въ засѣдатели. Въ одно прекрасное утро является онъ къ намъ въ домъ въ сопровожденіи артилерійскихъ солдатъ, взятыхъ имъ изъ квартировавшей въ Данковъ роты, полицейскихъ служителей и толпы понятыхъ, и объявляетъ, что прибылъ для поимки недоимочныхъ считавшихъ за нами рекрутовъ. Съ крикомъ и буйствомъ входитъ онъ къ намъ, ставитъ къ дверямъ отца часовыхъ съ обнаженными тесаками и такихъ же у всѣхъ входовъ нашего дома, и начинается по всѣмъ комнатамъ ловля прислуги. Оскорбленный до глубины души отецъ едва переноситъ ударъ, отчаявшаяся мать въ обморокъ, мы въ слезахъ и вопляхъ, прислуга кричитъ, рыдаетъ и прячется. Наконецъ, нападеніе окончилось; торжествующій засѣдатель, забравъ съ собою и заковавъ въ кандалы бывшихъ своихъ друзей, камердинера моего отца, буфетчика и любимаго кучера, съ которыми прежде игрывалъ въ карты, снялъ осаду и часовыхъ и уѣхалъ въ городъ. О глубинѣ и степени прочувствованнаго нами оскорбленія, въ настоящее время невѣроятнаго, можно судить по тому, что я и теперь, на разстояніи болѣе пятидесяти лѣтъ отъ происшествія, неравнодушно пишу эти строки.

По отъѣздѣ Анохина, когда мы успѣли нѣсколько успокоиться, первую заботою отца было распоряженіе о посылкѣ въ Рязань очередныхъ рекрутъ для замѣны взятыхъ засѣдателемъ. Возвратившіеся люди были страшно обезображены выбритыми лбами до половины головы съ уха на ухо, что видѣлъ я тогда въ первый еще разъ.

Какая же причина побудила Анохина къ его неслыханному поступку? Это осталось для насъ загадкою. Говорили, будто бы въ какой-то городской компаніи новоиспеченный дворянинъ очень расхвастался своимъ величіемъ. Кто-то замѣтилъ ему: «здѣсь-то ты боекъ, а вотъ у графа въ домѣ тише воды, ниже травы». Чтобы доказать противное, онъ сдѣлалъ вышеупомянутую вылазку. Давно уже умеръ и онъ, оставивъ весьма значительное состояніе, нажитое игрой, единственной дочери своей Софьѣ Васильевнѣ, по второму замужству Апрѣлевой. Остающіеся въ живыхъ члены нашего семейства и я находимся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Какъ она, такъ и мужъ

ея люди весьма почтенные. Отвратительная продолка ея отца была совершена имъ до ея рожденія, и я думаю, что она объ этомъ никогда ничего и не слыхивала. Господь да проститъ ему сдѣланное имъ зло и да упокоитъ душу оскорбленнаго имъ моего отца!

Между тѣмъ воспитаніе наше шло безо всякой системы или плана. За недостаткомъ въ деревнѣ учителей намъ преподавалъ *отецъ* науки бывшій танцмейстеръ, Полякъ Викентій Лаврентьевичъ Новаковскій. Онъ училъ насъ по-французски, языкъ который самъ едва разумѣлъ и притомъ съ сильнымъ Польскимъ произношеніемъ; онъ же обучалъ географіи, всеобщей исторіи и ариѳметикѣ, по первымъ случившимся учебникамъ. Въ этомъ курсѣ заключался весь кругъ наукъ, намъ преподававшимся. Существованіе другихъ едва-ли даже подозревали.

Въ это время я былъ уже мальчикомъ лѣтъ 13-ти, и вотъ что я зналъ: я умѣлъ читать по-французски, не понимая ни одного слова; учился Французской грамматикѣ и рѣшительно не умѣлъ приложить ее къ дѣлу; потребности Русской грамматики не сознавалось вовсе. Былъ знакомъ нѣсколько съ географіей, имѣлъ отрывочныя понятія и свѣдѣнія изъ древней исторіи, зналъ кое-какъ первыя четыре дѣйствія ариѳметики. За то я былъ вполне знакомъ съ кругомъ церковнаго богослуженія, основательно зналъ Священную Исторію и Катехизисъ; прочелъ Св. Писаніе Новаго и отчасти Вѣтхаго Завѣта, всѣ Четьи-Минеи, Патерикъ Печерскій и нѣкоторыя сочиненія Василия Великаго, Іоанна Златоустаго, Макарія Египетскаго, Ефрема Сирина, Лѣствичника и друг. Познавательныя мои способности развивались несомнѣнно, но развивались односторонне и въ направленіи вполне аскетическомъ.

Пріѣздъ къ намъ Московскихъ гостей и сближеніе съ ними произвели огромный переворотъ въ нашей жизни: они уговорили отца переѣхать въ Москву. Сколь ни тяжело было старику оторваться отъ привычекъ цѣлой жизни, но многія серіозныя соображенія относительно дѣтей заставили его разстаться съ мирной деревней, гдѣ онъ счастливо прожилъ тридцать лѣтъ сряду.

Когда рѣшеніе это сдѣлалось намъ извѣстнымъ, радости нашей не было конца. Москва!... Какъ много значенія заключалось для насъ въ этомъ словѣ! Сколько ни напиргалъ я своего воображенія, я никакъ не могъ себѣ образно представить этого города. Я воображалъ себѣ Москву обширнымъ селеніемъ и непремѣнно окруженнымъ гумнами, какъ у насъ, въ нашихъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Меня особенно интересовали мостовыя, которыхъ я никогда не видывалъ. Я слыхалъ, что они вымощены камнемъ и представлялъ себѣ ихъ въ видѣ мозаики; мнѣ рассказывали, что при ѣздѣ на нихъ изъ подъ

подковъ выскакивали искры, и мнѣ вспоминались сказочные богатыри на коняхъ, у которыхъ «изъ подъ копытъ полымя пышетъ».

Въ Москвѣ приготовили намъ квартиру въ домѣ моего двоюроднаго брата гр. Николая Степановича Толстаго, который самъ въ немъ не жилъ, потому что служилъ въ Ревелѣ. Домъ этотъ былъ гдѣ-то у Прѣсененской заставы и, чтобы попасть туда, намъ пришлось проѣхать черезъ всю Москву. Нечего и говорить, что на каждомъ шагѣ я встрѣчалъ предметы и удивленія и восторга. Красивые, особенно каменные, богатые и великолѣпные дома, множество церквей, разнообразіе вывѣсокъ, о которыхъ я не имѣлъ дотошъ понятія и которыя представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ картинной галлерей, золотыя главы и кресты на храмахъ, гипсовые львы на воротахъ, безпрестанно встрѣчавшіеся экипажи, извозчики, народъ, все это переносилось предъ моими глазами какъ картинки волшебнаго фонаря. Я не забылъ выглянуть изъ окна нашей кареты внизъ на улицу, чтобы увидѣть давно желанную мостовую, но увы! улица была покрыта снѣгомъ. Мнѣ особливо казалось непонятнымъ, что, не смотря на снѣгъ, мы ѣхали на колесахъ, и всѣ Московскія кареты также были на колесахъ.

На другой день я выпросился идти гулять. Хотя я охотнѣе взялъ бы извозчика, но на это нужны были деньги, а у меня ихъ не было, и я пошелъ пѣшкомъ въ сопровожденіи одного изъ нашихъ слугъ. Мы съ Прѣсни дошли до конца Тверской, и я не чувствовалъ усталости. Все, чтò видѣлъ я вчера проѣздомъ, такъ сказать en gros, сегодня разсматривалъ я en détail, и это еще болѣе усиливало впечатлѣнія, подѣбляніемъ коихъ я находился. Но вотъ мы идемъ мимо оконъ, на которыхъ разставлено множество блестящихъ вещицъ, цѣлыя вазы изъ чистаго хрусталя, наполненныя какими-то разноцвѣтными зернами (dragées), расположенными въ нихъ въ видѣ затѣйливыхъ узоровъ; множество картонажей, игрушекъ, разнаго рода сластей и печеній заманчиво расположены на зеркальныхъ этажеркахъ окна: это кондитерская Педотти. Искушеніе было слишкомъ велико! Посовѣтовавшись съ своимъ аргусомъ и получивъ отъ него великодушно предложенный пятакъ сер. (чтò по тогдашнему курсу составляло 21 коп. на ассигнаціи), мы робко вошли въ кондитерскую, и раздавшійся надъ дверью звонокъ также не остался мною незамѣченнымъ. Если выставленная въ окнѣ часть богатствъ ея оказалась для меня неотразимо соблазнительной, то легко понять, какое впечатлѣніе произвела на меня ея внутренность. Все въ ней блестѣло, лоснилось, свѣтилось... Мнѣ кондитерская показалась какимъ-то великолѣпнымъ чертогомъ, чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ сказочныхъ палатъ, о которыхъ, бывало, слыхалъ я отъ няни. Не вышелъ бы отсюда! Но позволятъ ли еще мнѣ

оставаться здѣсь безъ дѣла? Какъ бы просто не выгнали непрошеннаго гостя? Предупредительный вопросъ хозяина: «Что вамъ угодно?» еще болѣе утвердилъ меня въ этой мысли. Да и отвѣчать было не легко. Чего спросить? И на сколько хватитъ моего пяточка? Тутъ выручилъ меня мой провожатый. Хотя онъ тоже въ первый разъ былъ въ Москвѣ и сроду не видывалъ кондитерскихъ, но все же былъ несравненно смѣтливѣе меня. Онъ указалъ на какой-то пирожокъ, съ виду напоминающій куриное яйцо и спросилъ о цѣнѣ: цѣна оказалась ровно 5 коп. сер., это было безѣ, которое я тутъ же и съѣлъ съ величайшимъ наслажденіемъ.

Не долго, хотя не помню сколько времени, прожили мы на Прѣснѣ и потомъ переѣхали на Поварскую въ приходъ Ржевской Божіей Матери, въ домъ Лаухиной. Первое время было занято пріемомъ родныхъ, которыхъ какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны оказалось весьма почтенное количество, и уплатою имъ визитовъ. Свиданія эти были родственны и привѣтливы, но не скажу, чтобы основали какія нибудь прочныя и искреннія связи, за исключеніемъ весьма немногихъ личностей. Да и трудно было сближеніе. Съ одной стороны строй нашихъ деревенскихъ понятій не ладилъ съ ихъ образомъ мыслей, а съ другой ихъ столичныя манеры казались намъ претензіями и даже надменностію. Въ свою очередь и они вѣроятно видѣли въ насъ закоснѣлую деревенщину, въ чемъ они часто и были правы. Послѣ нѣсколькихъ приглашеній на обѣдъ, которыя были для насъ далеко не привлекательны, особенно по отношенію къ туалету сестеръ моихъ, мы окончательно сдѣлались домосѣдами, поддерживая для приличія знакомство неизбѣжными, рассчитанными визитами. Старшія мои сестры, какъ молодыя и притомъ очень красивыя дѣвицы, выѣзжали иногда съ матерью на балы въ Благородное Собраніе, которое тогда было во всемъ блескѣ и посѣщалось лучшимъ Московскимъ обществомъ. Трудно было доставать билеты; но дядя мой гр. Фѣдоръ Андреевичъ Толстой (отецъ графини Закревской, извѣстный библіофилъ и собиратель Русскихъ древностей) былъ однимъ изъ старшинъ собранія. Онъ всегда давалъ намъ билеты для старшихъ внизъ въ залу, а для меня, котораго онъ очень ласкалъ, на верхъ, на хоры.

За исключеніемъ этихъ выѣздовъ жизнь наша въ Москвѣ скоро вошла въ прежнюю свою деревенскую колею. Мы жили по-деревенски, окруженные многочисленною дворнею, въ числѣ которой былъ даже сказочникъ, который спалъ въ комнатѣ моего отца и на которомъ лежала обязанность, когда отецъ ложился почивать и камердинеръ га-

силъ огонь, громко разсказывать сказки, которыхъ онъ зналъ наизусть множество, до тѣхъ поръ, пока отецъ заснетъ.

У насъ уже никакихъ учителей и гувернеровъ не было, и жилъ только поселившійся съ нами окончательно Викентій Лаврентіевичъ Новаковскій съ своею дочерью, дѣвочкою моихъ лѣтъ. И тотъ и другая уже давно присоединились изъ католичества къ нашей церкви и сдѣлались вполнѣ членами нашего семейства. Гувернантки при сестрахъ также не было; для старшихъ была она уже не нужна, а за двумя меньшими присматривали старшія.

Между тѣмъ здоровье отца слабѣло все болѣе, и онъ видимо клонился къ могилѣ, чего впрочемъ въ семействѣ или не замѣчали, или старались обманывать себя надеждою. Домашнимъ докторомъ нашимъ былъ Филиппъ Ивановичъ Пфеллеръ, одинъ изъ тогдашнихъ знаменитостей столицы. Отецъ съ трудомъ и только съ помощію слуги могъ ходить по комнатамъ; электрическое лѣченіе принесло ему временное облегченіе, но силы скоро слабѣли. Консиліумы не приносили пользы. Въ это время посѣтилъ насъ докторъ-Французъ, по имени Кантѹ (Cantou), который когда-то лечилъ отца еще у насъ въ деревнѣ. Онъ былъ изъ числа Французскихъ военнопленныхъ, женился на одной помѣщицѣ нашего уѣзда и остался въ Россіи. Мы всѣ были очень рады его видѣть. Осмотрѣвъ отца, онъ нашелъ, что у него водяная и предложилъ нѣкоторыя средства. Когда онъ уѣхалъ, и мнѣніе его мать сообщила Пфеллеру, этотъ очень разсердился, назвалъ Француза невѣждою, коноваломъ и т. п. Леченіе отца продолжалось по прежнему методу. Въ послѣднихъ числахъ Мая 1820 года отецъ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Страшно и теперь вспоминать то отчаяніе, въ какомъ находилось все наше семейство! Мать была въ обморокѣ, сестры и мы всѣ рыдали. Отецъ былъ безъ памяти въ своей комнатѣ, куда меня не пускали. Тотчасъ послали за священникомъ; приходскаго не нашли и пригласили священника отъ церкви Бориса и Глѣба, неподалеку отъ нашего дома. Онъ, найдя больного въ безпамятствѣ, затруднился сподобить его причащенія Св. Тайнъ; но старшая сестра наша Анна, въ полномъ смыслѣ слова красавица, любившая, какъ и всѣ мы, отца безъ памяти, бросилась къ нему въ ноги и, обливаясь слезами, умоляла причастить умирающаго по «глухой исповѣди», и добрый священникъ исполнилъ эту просьбу. Его теперь, конечно уже нѣтъ на свѣтѣ; да упокойтъ Господь его душу, и да будетъ милостивъ къ нему, сотворшему намъ милость! Я успѣлъ какъ-то при всеобщей суматохѣ вбѣжать въ комнату отца. Онъ сидѣлъ въ креслахъ; голова склонилась на грудь, и руки лежали на поручняхъ кресла. Бѣлые, блестящіе какъ серебро его волосы едва отличались

отъ блѣдности его благороднаго лица. Глаза были закрыты. Я бросился къ нему въ ноги, прильнулъ губами къ рукѣ и обливалъ ее слезами.... Меня скоро вывели, посадили въ карету и отвезли къ моему двоюродному брату графу Владимиру Степановичу Толстому. Онъ и добрыйшій его жена Прасковья Николаевна (ур. Сумарокова) приняли меня чрезвычайно сочувственно. Они старались всячески развлекать меня, о чемъ также хлопоталъ ихъ 6-ти или 7-милѣтній сынъ Миша, отдавая мнѣ всѣ свои игрушки. Но все это только сильнѣе заставляло меня чувствовать мое несчастіе. Мысль, что можетъ быть въ эту самую минуту отца уже нѣтъ на свѣтѣ и я остался сиротою, терзала меня; я плакалъ безутѣшно и не могъ успокоиться. Такъ прошелъ цѣлый день, и только на другой меня привезли домой, когда отецъ пришелъ въ память и получилъ снова употребленіе языка; хотя это было послѣднею вспышкою догорающей лампы, со всѣмъ тѣмъ въ семействѣ снова начала возникать надежда. Врачи говорили, что если онъ перенесетъ благополучно 9-й день, то можетъ остаться въ живыхъ. Чтò до меня, видя отца хотя слабымъ, но самосознательнымъ, я успокоился вполне. Наканунѣ роковаго дня его кончины я пришелъ къ нему прощаться, отходя ко сну, чтò всѣ мы дѣлали ежедневно. Онъ по обычаю благословилъ меня и поцѣловалъ, давъ облобызать свою руку. Увы, это было его послѣднее предсмертное благословеніе! Обильно было оно своими дарами на всю мою жизнь и, быть можетъ, ему и молитвамъ моей матери обязанъ я лучшимъ моимъ сокровищемъ: привязанностію къ церкви и—Господу поспѣшествующу—пробыванію въ ея лонѣ. Да снідетъ оно чрезъ меня и на моего сына, да управитъ жизнь его въ правилахъ вѣры и научитъ оберегать и беречь честное имя его и моего отца!

2 Іюня 1820 г. родитель мой предалъ духъ свой Богу. Я не буду описывать отчаяніе, въ какое ввергнуто было все наше семейство; оно понятно будетъ для всякаго, кто имѣетъ сердце и кто любилъ своихъ родителей. Меня увезли изъ дома къ моей теткѣ графинѣ Александрѣ Николаевнѣ Толстой и продержали тамъ до того времени, пока отпѣли тѣло отца и отвезли для погребенія въ нашу деревню, гдѣ мы всегда жили. Тѣло его сопровождалъ братъ Александръ, который не только пламенно любилъ его, но боготворилъ. Проѣздомъ чрезъ Рязань онъ успѣлъ получить негласное позволеніе преосв. Сергія на погребеніе его внутри приходской церкви. За нѣсколько верстъ до селенія крестьяне встрѣтили печальную колесницу и на себѣ привезли ее до церкви, гдѣ тѣло было погребено въ ногахъ тѣла его отца, а моего дѣда, графа Федора Ивановича, строителя самой

Оставаться въ домѣ Лаухиной было для матери слишкомъ тяжело: все въ немъ слишкомъ живо напоминало страшную нашу потерю. Скоро нашли другой домъ, наняли и переѣхали туда.

Нанятый нами домъ принадлежалъ г-жѣ Пусторослевой и находился близъ Арбата, въ приходѣ Николы на Пескахъ, на Собачьей площадкѣ. Мы жили въ немъ по прежнему, съ тѣми же доморощенными понятіями, съ какими пріѣхали изъ деревни. Главная отличительная черта нашей жизни заключалась въ полнѣйшей праздности и въ совершенномъ отсутствіи какихъ-либо опредѣленныхъ занятій. Пустоту нашей жизни наполняли посѣщенія близкихъ знакомыхъ и родныхъ. Чаше другихъ посѣщала насъ Наталья Сергѣевна Павлова, урожденная Гурьева, которая по матери своей, графинѣ Толстой, доводилась намъ внучатной сестрой. Это была очень милая и любезная, еще довольно молодая вдова, большая причудница и оригиналка. У нея была одна дочь Пашенька (Прасковья Дмитріевна), миловидная дѣвочка моихъ лѣтъ, чрезвычайно живая, рѣзвая и большая шалунья ¹⁾. У ней жила гувернантка m-lle Рейтернъ, и къ ней ходили нѣкоторые учителя. По этому примѣру пригласили учителя и къ намъ. Не знаю почему, изъ всѣхъ предметовъ преподаванія выбрали только рисованіе. Я былъ очень этимъ доволенъ, потому что страстно любилъ живопись и сохраняю доселѣ убѣжденіе, что если бы мнѣ дано было вполне художественное образованіе, то изъ меня бы вышелъ замѣчательный художникъ.

Семейство Константина Владимировича Ржевскаго и родной его сестры Натальи Владимировны Бейеръ, также внучатные наши родственники, были тоже самыми къ намъ близкими. У нихъ въ то время жила Марья Аванасьевна Дохтурова ²⁾ и занималась преподаваніемъ рисованія. Дружба ея ко мнѣ продолжалась, и она постоянно развивала кругъ моихъ понятій. Вполнѣ передовая дѣвушка, она все болѣе и болѣе сближалась съ даровитѣйшими людьми того времени и отличалась начитанностію, особенно Нѣмецкихъ философовъ, господствовавшихъ тогда безраздѣльно въ нашей интеллигенціи. Вліяніе ея на меня было неотразимо... Отыскивали съ помощію нашихъ родственниковъ пансіонъ, содержавшійся Французомъ Auger de S-t Vincent и отдали меня. Въ пансіонѣ было не болѣе 6—8 воспитанниковъ; курсъ ученія былъ составленъ по программѣ весьма незатѣйливой, и главнымъ преподавателемъ былъ самъ содержатель. Преподаваніе велось на Французскомъ языкѣ, который я понималъ очень плохо и на ко-

¹⁾ Мать графа Дмитрія Андреевича Толстаго, П. Б.

²⁾ Двоюродная сестра автора. П. Б.

торомъ самъ объясняться не умѣлъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ успѣхи мои не могли быть быстрыми; потребны были терпѣніе и настойчивость, чтобы такое воспитаніе принесло какіе-нибудь плоды. Ихъ не оказывалось, и меня взяли домой послѣ, кажется, двухъ-трехъ мѣсяцевъ пребыванія въ пансіонѣ. Для дальнѣйшаго образованія моего и двухъ меньшихъ сестеръ пригласили того же m-r Auger преподавать намъ Французскій и г. Сушарда Нѣмецкій языкъ по билетамъ. Это продолжалось впрочемъ недолго и также не принесло никакой пользы. Мать рѣшилась ѣхать на лѣто въ деревню.

Весело было мнѣ въ деревнѣ! Большіе сады, рощи, совершенная, безконтрольная свобода дѣлали меня вполне счастливымъ. Умственное развитіе не останавливалось, благодаря любви моей къ чтенію. Послѣ отца осталась довольно значительная библіотека, хотя очень разнообразная и безъ особеннаго выбора; но данное мнѣ сначала религіозное направленіе и какое-то чутье при выборѣ книгъ для чтенія спасли меня отъ вредныхъ послѣдствій подобнаго рода умственныхъ занятій. Братъ Александръ былъ любитель псовой охоты и часто ѣзжалъ въ поле. Я не раздѣлялъ этой наклонности; но праздность познакомила меня съ другой, ястребиною охотой. Я прибрѣталъ ястребовъ и по цѣлымъ ночамъ вынашивалъ ихъ на рукѣ. Охотиться съ ними я не ходилъ ни разу. Мнѣ жалко было безоружной перепелки, на которую накидывалась хищная птица; но меня интересовало прирученіе дикаго ястреба, который изъ вольной птицы дѣлался послушнымъ орудіемъ моей воли. Бывало, пустишь его поиграть въ небѣ; онъ весело рѣветъ по воздуху, описывая то плавные круги, то разрѣзывая прямое пространство. Вотъ онъ поднялся высоко, высоко.....; но я только свистнулъ, и онъ, послушный знакомому звуку, уже у меня на рукѣ и кровожаднымъ клювомъ приводитъ въ порядокъ свои перья и охорашивается.

Такой образъ жизни не могъ однакоже продолжаться; мнѣ минуло 16 лѣтъ, и нужно было подумать о службѣ, разумѣется, военной, потому что статская была не мыслима для юноши хорошаго дома. Жить безъ службы, не имѣть чина, цѣлый вѣкъ подписываться «недорослемъ изъ дворянъ», позорище этого ничего нельзя было придумать. Рѣшено было записать меня въ гвардію, и для этого обратились къ тому же родственнику, который нѣкогда содѣйствовалъ опредѣлить на службу брата Александра. Василій Никаноровичъ Шеншинъ выслалъ намъ программу наукъ, изъ которыхъ слѣдовало держать экзаменъ для поступленія въ гвардейскую юнкерскую школу. Должно признаться, что воспитаніе мое еще было такъ ограничено, что я не только былъ не знакомъ съ ними, но о существованіи ихъ

которыхъ предметовъ не имѣлъ даже никакого понятія и названія ихъ слышалъ въ первый разъ въ жизни. Нужно было меня приготовить, и для этого мнѣ нужно было ѣхать въ Москву. Родственница наша Наталья Сергѣевна Окунькова согласилась дать мнѣ пристанище въ своемъ домѣ. Это было въ 1822 году.

Окунькова была та самая Н. С. Павлова, о которой я говорилъ выше сего. Только что выдавъ свою Пашеньку за графа Андрея Степановича Толстаго, она и сама вышла за мужъ за Федора Васильевича Окунькова. Еще не успѣло смолкнуть благочестивое негодование родственниковъ, произведенное симъ первымъ бракомъ (потому что графъ Андрей Степановичъ, также какъ и я, приходился внучатымъ братомъ матери своей жены), какъ этотъ второй возбудилъ новые толки и пересуды: находили, что непристойно было матери выходить за мужъ послѣ дочери; что она была уже слишкомъ стара для брака (ей было лѣтъ 38), а главное, чего никто не прощаль, что Окуньковъ былъ только губернский секретарь. Уваженіе къ чинамъ и презрѣніе къ статской службѣ было тогда такъ сильно, что противъ этого послѣдняго обвиненія никто не возражалъ, и съ нимъ соглашались даже люди, самые расположенные къ Натальѣ Сергѣевнѣ. Носи Окуньковъ хотя и не высокій, но военный чинъ, его бы охотно приняли въ родство; но теперь бракъ этотъ принимали какъ *mésalliance*. Въ то же время и то же впечатлѣніе произвела свадьба моей двоюродной племянницы графини Александры Григорьевны Салтыковой, вышедшей за Павла Ивановича Колошина, молодаго человѣка высшаго образованія и солидныхъ достоинствъ, отличавшагося любезностію и блескомъ свѣтской образованности, бывшаго въ родственныхъ связяхъ со многими аристократическими фамиліями. Кругъ родныхъ его молодой жены ставилъ ему въ укоръ его чинъ—титулярнаго совѣтника!

Я пріѣхалъ въ Москву уже зимою. Окуньковы приняли меня очень родственно. Они занимали квартиру на Большой Прѣсенской улицѣ. Деревянный домъ ихъ былъ, что называется, средней руки, и меня помѣстили въ залъ, устроивъ мнѣ кровать за ширмами. Мнѣ было очень совѣстно; я не могъ не видѣть, что стѣснялъ ихъ; но, благодаря ихъ внимательному и радушному обращенію, я скоро у нихъ освоился и сдѣлался какъ бы членомъ семейства. Окуньковъ былъ очень красивый молодой мужчина, замѣчательно высокаго роста и атлетическаго сложенія: черные какъ смоль волосы и бакенбарды окаймляли его открытое, широкое и слегка рябоватое лицо. Онъ принадлежалъ къ братству франкъ-масоновъ. Рѣчь его всегда была таинственна и иносказательна, и онъ старался щеголять ею, въ особенностяхи предъ профанами. Не получивъ особеннаго образованія, онъ

отъ природы былъ весьма не глупъ, хотя никогда не обладалъ практической премудростію вѣка сего. Человѣкъ безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, въ имѣніи жены онъ нашелъ себѣ положеніе, и оно, повидимому, казалось ему неистощимымъ богатствомъ, хотя въ сущности едва ли превышало 200—300 душъ. Въ немъ господствовали двѣ наклонности: щегольской туалетъ и игра въ карты. Все это сдѣлалось для меня понятнымъ въ послѣдствіи; тогда Окуньковъ казался мнѣ совершенствомъ, и я, по цѣльности еще моей натуры, съ увлеченіемъ принялъ его образцомъ для подражанія.

Кромѣ Окунькова и его жены въ домѣ жила родная сестра перваго, молодая вдова Александра Васильевна Дихарева. Очень красивая и стройная брюнетка, она была умна и очень наклонна къ мечтательности. Образованностію она не отличалась, и я не знаю, училась ли она когда-нибудь даже по-французски, что въ тогдaшнее время было принадлежностію каждому мало-мальски образованнаго человека; по-русски она рѣшительно никакъ не умѣла не только въ грамматическомъ, но даже и въ каллиграфическомъ отношеніи. Мы были съ нею очень дружны, потому что, не смотря на амфигурическую ея и масонски-тайнственную рѣчь, заимствованную отъ брата, она была очень добрая и благородная женщина, умѣвшая вмѣстѣ съ братскою привязанностію внушить къ себѣ полнѣйшее уваженіе; я доселѣ храню какъ къ ней, такъ и къ ея брату, глубокую благодарность и благодарю Бога, не лишившаго меня этого чувства.

Кругъ знакомства Окуньковыхъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто къ намъ ѣзжали, былъ немногочисленъ. Чаше другихъ посѣщали насъ Петръ Густавовичъ Шитъ и Яковъ Христофоровичъ Венкстернъ. Оба были масоны. Первый былъ очень добрый Нѣмецъ, аккуратный и честный; втораго, не смотря на его Шведское имя, національность осталась мнѣ неизвѣстною. Онъ былъ человѣкъ свѣтскаго образованія и усвоилъ себѣ манеры высшаго общества. Бесѣда его была умна и оживленна; онъ не поддавался тому тайнственному, одностороннему и монотонному направленію, которымъ отличались разговоры масоновъ вообще и которое, признаюсь, наводило на меня невыносимую тоску. Вдовецъ послѣ двухъ браковъ, отъ которыхъ осталось немало дѣтей разнаго возраста, онъ предложилъ руку Александрѣ Васильевнѣ и скоро на ней женился.

Между тѣмъ хозяйка дома, жена Окунькова, сдѣлалась нездорова. Сначала это приписывалось беременности, чему подавало поводъ постоянное увеличеніе живота; но потомъ увидали, что ошибались: болѣзнь оказалась водяною. Докторъ ѣздилъ по два раза въ день, часто назначались консилиумы; но все оказалось напраснымъ. Больная скончалась. Мужъ казался очень огорченнымъ. Похороны справлены были

великолѣпно, съ архіерейскимъ служеніемъ, и надъ усопшей воздвигнуть богатый памятникъ.

Смерть Натальи Сергѣевны разрывала повидимому всякую связь между мною и ея мужемъ, который самъ по себѣ не только не былъ мнѣ вовсе роднымъ, но даже лично не зналъ ни моей матери, ни сестеръ, ни братьевъ, а съ Московскими моими родными, начиная съ графа Андрея Степановича, былъ болѣе чѣмъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ не только ни въ чемъ ко мнѣ не измѣнился, но еще настоялъ, чтобы я попрежнему оставался жить у него.

Къ цѣли однакоже, для которой послали меня въ Москву, для приготовленія ко вступленію въ гвардейскую школу, приближался я медленно или, лучше сказать, не приближался вовсе. Правда, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, я пригласилъ бывшаго содержателя пансіона m-г Auger давать мнѣ уроки Французскаго языка; но это не могло принести плодовъ, такъ какъ, по недостатку денегъ, въ которыхъ я постоянно нуждался, я взялъ только всего десять уроковъ, за которые заплатилъ 60 р. асс. Въ такомъ положеніи Окуньковъ принялъ во мнѣ живое и благотѣльное участіе. Онъ познакомилъ меня съ двоими братьями-масонами, изъ которыхъ одинъ не только имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю мою жизнь, но былъ моимъ постояннымъ благотѣлемъ и руководителемъ. Я говорю о Степанѣ Алексѣевичѣ Масловѣ. Онъ былъ въ то время секретаремъ при начальникѣ Московской Медицинской Академіи знаменитомъ Г. И. Фишерѣ фонъ-Вальдгеймѣ. Вторымъ былъ Иванъ Ѳеодоровичъ Калайдовичъ, родной братъ известнаго археолога Константина Ѳеодоровича. Окуньковъ объяснилъ имъ мое положеніе, недостаточность моихъ матеріальныхъ средствъ и успѣлъ возбудить ко мнѣ участіе этихъ благородныхъ и почтенныхъ ученыхъ. Оба они согласились давать мнѣ уроки по уменьшенной цѣнѣ, Масловъ—логики и словесности, а Калайдовичъ математики, съ тѣмъ чтобы я ѣздилъ къ нимъ въ опредѣленные часы. Кромѣ меня у Маслова были другіе слушатели: два брата Соймоновы и двое кн. Голицыныхъ, тоже родныхъ братьевъ. Всѣ они платили по 10 р. асс. за урокъ; съ меня было положено брать по семи. Съ теченіемъ времени и съ нѣкоторыми съ моей стороны успѣхами Масловъ очень полюбилъ меня, и я болѣе и болѣе къ нему привязывался. По уплатѣ мною за первыя десять лекцій, Масловъ уже отказался брать съ меня деньги и училъ меня бесплатно. Мало этого, онъ снабжалъ меня не только книгами, необходимыми для продолженія курса, но и другими, чтеніе которыхъ должно было обогащать мой умъ, а главнѣе давать нравственное направленіе моей практической жизни. вмѣсто того, чтобы ограничить свой курсъ даннымъ предметомъ, Масловъ предпринялъ полное, коренное мое воспитаніе. Подчинивъ меня силою превосходства вполне сво-

ему вліянію, онъ примѣромъ своей высоконравственной жизни заставилъ и меня, на сколько я могъ, подражать себѣ. Я полюбилъ трудъ, потому что видѣлъ его постоянно за дѣломъ; я получилъ омерзѣніе ко лжи и хвастливости, къ которымъ уже имѣлъ постыдную наклонность, благодаря средѣ, въ коей дотолѣ находился, потому что видѣлъ въ Масловѣ примѣръ олицетворенной скромности. Словомъ, если Господь возрастилъ во мнѣ что-нибудь доброе, то сѣмена этому были брошены Масловымъ. Его публичная дѣятельность извѣстна, и имя его перейдетъ въ исторію тѣхъ учреждений, для коихъ онъ трудился. Съ моей стороны, я во всю жизнь питалъ къ нему глубокую благодарность и сыновнюю привязанность. Теперь, когда ему 79-й годъ, а мнѣ уже минуло 66, и теперь при свиданіи съ нимъ я храню къ нему чувства робкаго ученика предъ учителемъ...

Масловъ былъ секретаремъ только что учредившагося въ Москвѣ Общества Сельскаго Хозяйства. Предсѣдателемъ былъ военный генераль-губернаторъ князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ; другими членами администраціи Общества были графъ Петръ Александровичъ Толстой, князь Сергій Ивановичъ Гагаринъ, Григорій Ивановичъ Фишеръ - фонъ-Вальдгеймъ, Гусятниковъ, Масловъ и пр. Все это были что называется тузы въ аристократическомъ или ученомъ мірѣ. Въ моей скромной обстановкѣ въ домѣ Окунькова я ихъ никогда въблизи и не видывалъ. Масловъ, чтобы поощрить меня къ полезной дѣятельности и показать образцы высшаго общества, рѣшился меня съ ними сблизить, на сколько позволяли это мои лѣта и мое положеніе. Сдѣлавъ меня членомъ-корреспондентомъ Общества, онъ предложилъ меня въ библіотекари. Совѣтъ утвердилъ меня въ этомъ званіи. Такимъ образомъ у меня была уже публичная дѣятельность, было занятіе (составленіе систематическаго каталога) требовавшее по крайней мѣрѣ на первое время усидчиваго труда и внимательности. Продолжая свою заботливость о моемъ воспитаніи, Масловъ постепенно приучалъ меня къ труду. Сначала онъ заставлялъ меня докладывать Обществу нѣкоторыя бумаги въ своемъ присутствіи; потомъ нарочно уѣзжалъ въ деревню, или сказывался больнымъ, и я, исправляя его должность, уже самостоятельно велъ засѣданіе. Все это меня очень занимало и давало мнѣ въ моихъ собственныхъ глазахъ нѣкоторое значеніе.

Такъ продолжалось до лѣта 1825 года, когда засѣданія Общества прекращались, и большинство членовъ разъѣхались по деревнямъ. Я также поѣхалъ къ матери въ наше любимое Знаменское.

Не буду описывать моего деревенскаго пребыванія; это было бы повтореніемъ уже не разъ мною сказаннаго. Жили мы до осени, до глубокой осени.... Вдругъ газеты приносятъ намъ вѣсть о кончинѣ

Государя въ Таганрогѣ... Извѣстіе это, особенно въ деревнѣ, произвело одуряющее впечатлѣніе; не вѣрилось ни слухамъ, ни газетамъ. Всѣмъ казалось это тѣмъ болѣе невозможнымъ, что о болѣзни Государя ничего не было извѣстно. Огорченіе народа было глубоко и искренно; любовь его къ царямъ высказалась во всей силѣ, любовь наслѣдственная, коренная, потому что для особенной привязанности къ Александру I не было видимой причины. Правда, что, благодаря высокой стойкости народа и Русскому самопожертвованію, Русской любви къ церкви и отечеству, въ его царствованіе Россія, освободивъ Европу отъ ига Наполеона I, заняла видное мѣсто между державами; но чѣмъ же воспользовалась она для самой себя? Личное великодушіе Государя подарило Франціи издержки войны, усилило Австрію, освободило и обезпечило Пруссію важными территоріальными пріобрѣтеніями, учредило Священный Союзъ, весь обратившійся въ пользу Германскихъ государей, возстановилъ Польшу, хотя не въ прежнихъ границахъ, но въ видѣ самостоятельнаго государства со своимъ войскомъ и конституціею, а Россіи въ лицѣ трехъ сословій, духовенства, дворянства и купечества, выданы бронзовые кресты и медали! Вотъ и все. Собственно же народъ не получилъ и этого.

Едва только успѣли привести насъ къ присягѣ новому императору Константину Павловичу, имя котораго уже возносилось на екстенияхъ, какъ газеты сообщили намъ другое извѣстіе: Константинъ отказался, Николай вступилъ на престолъ, и въ С.-Петербургѣ бунтъ. Такъ называли тогда попытку первой политической революціи въ Россіи... О революціяхъ у насъ не имѣли понятія, хотя бунты были извѣстны и прежде: съ этимъ именемъ ближе всего связывалось воспоминаніе Московскаго бунта во время чумы (въ царствованіе Екатерины Второй). Можно по этому представить, какое впечатлѣніе произвело на насъ это извѣстіе.

Я не стану говорить о возмущеніи 14 Декабря 1825 г. Подробности его нынѣ извѣстны со всѣхъ сторонъ; донесеніе слѣдственной комиссіи и рѣшеніе верховнаго суда были тогда же напечатаны; записки разныхъ декабристовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ каторги и ссылки, теперь читаются всѣми. Исторія со временемъ скажетъ объ этомъ событіи свое послѣднее слово. Тогда оно произвело въ общей массѣ провинціальнаго населенія потрясающее впечатлѣніе. Всѣ обвиняли заговорщиковъ: посягательство на ограниченіе царской власти и на перемѣну образа правленія казалось намъ не только святотатствомъ, но историческою аномаліею; а народъ, видя, что заговорщики исключительно принадлежали къ высшему сословію, призналъ дворянство

измѣнниками *), и это прибавило еще одну рѣзкую черту къ той за-
таенной враждѣ, которую онъ питалъ уже къ помѣщикамъ. Передовые
люди и столичная интеллигенція одни только сочувствовали несчаст-
нымъ безумцамъ, патріотическая затѣя которыхъ, рожденная изъ под-
ражанія Западу и лишенная всякаго знакомства съ коренными усло-
віями народной жизни и нашей исторіи, а потому чуждая практиче-
скаго примѣненія, принесла столько жертвъ и надолго отдалила воз-
можность какой бы то ни было либеральной реформы въ Россіи. Чтѣ
сдѣлалъ бы Николай безъ встрѣчи на первомъ же шагу своего цар-
ствованія этого возмущенія, остается вопросомъ; но позволительно и
теперь заключать, особенно изъ его личнаго характера и изъ исторіи
его царствованія, что 14 Декабря 1825 года дало этому Государю со-
всѣмъ иное направленіе.

Вскорѣ мы возвратились въ Москву. Тамъ высшее сословіе, или
лучше сказать, люди высшаго образованія, смотрѣли на это событіе
иначе, чѣмъ въ провинціи. Кромѣ весьма естественнаго сочувствія къ
либеральнымъ идеямъ, многія, весьма многія семейства лишились сво-
ихъ лучшихъ членовъ, которые, по прямому или косвенному участію
въ заговорѣ, или даже по тѣснымъ связямъ съ обвиняемыми, были
взяты, отвезены въ Петербургъ и томились въ крѣпости, находясь
подъ слѣдствіемъ. Изъ моихъ личныхъ знакомыхъ были увезены Па-
велъ Ив. Колошинъ и Ив. Пущинъ. Вообще Москва того времени но-
сила характеръ какой-то грусти, какой-то боязни и недовѣрчивости....

Изъ числа горячо сочувствовавшихъ была кузина моя Марья
Ав. Дохтурова. Натура живая и страстная, она не только была спо-
собна къ увлеченіямъ, но увлекала съ собою и другихъ, сколько-ни-
будь способныхъ проникаться высокимъ и прекраснымъ. Поклонница
Байрона, Ламартина, Пушкина, она была какъ бы жрицею свободы и
умѣла собрать вокругъ себя нѣсколько молодыхъ людей болѣе или
менѣе способныхъ къ увлеченіямъ, но умныхъ и благородныхъ. Въ по-
слѣдствіи подъ ея вліяніемъ развивались Станкевичъ, Грановскій, Бѣ-
линскій и др.; но въ описываемую мною эпоху они были еще дѣти
и едва ли поступили еще въ гимназію. Вліяніе ея на меня было не-
отразимо.

*) Важное историческое показаніе, которымъ подтверждаются стихи Э. И. Тютчева:

Народъ, чуждаясь вѣроломства,
Поноситъ ваши имена.

(См. Р. Архивъ 1881, II, 340). Въ иныхъ городахъ и селахъ приходилось везти
ссыльныхъ декабристовъ вскачь и опрометью, потому что въ нихъ кидали грязью, сап-
гомъ и даже камнями, и это дѣлалось нашимъ простонародьемъ, которое вообще сла-
вится милосердіемъ къ частнымъ преступникамъ. П. Б.

Скоро было получено извѣстіе о рѣшеніи дѣла въ верховномъ судѣ. Приговорены пятеро къ виселицѣ, остальные къ каторгѣ, кто безъ срока, кто на 20, 15 и пр. лѣтъ; нѣкоторые къ крѣпости и другаго рода наказаніямъ. Понятно впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ! Не смотря на дѣятельныя приготовленія къ коронаціи, она не могла изгладить въ обществѣ того грустнаго настроенія, которое невольно вспоминалось въ семьяхъ, болѣе или менѣе близкихъ къ преступникамъ, а чрезъ нихъ во многихъ другихъ домахъ. Справедливость требуетъ однакоже замѣтить, что общественный смыслъ обвинялъ заговорщиковъ и сознавалъ правосудіе приговора, а вмѣстѣ съ тѣмъ безразсудность всего замысла.

Посѣщеніе лекцій Маслова мною продолжалось и, не смотря на увлеченія Дохтуровой, его вліяніе на меня не ослабѣвало и служило мнѣ сильною охраной. Революціонная проповѣдь Дохтуровой дѣйствовала сильно на мое воображеніе и принадлежала вполнѣ къ области фантазіи; рѣчь Маслова, строго-логическая, разумно-либеральная и возвышенная, живымъ чувствомъ религіи говорила моему уму и сердцу. Это двойственное вліяніе раздвоило внутренно меня самаго: съ одной стороны, я не только не сочувствовалъ правительству, но смотрѣлъ лично на Государя, какъ на тирана, который своему личному гнѣву принесъ столько жертвъ; а съ другой—сознавалъ въ немъ представителя государства и отсюда мою личную обязанность служить ему, какъ верховной главѣ Русскаго народа. Я охотно пошелъ бы въ службу, но ни за что на свѣтѣ не принялъ бы никакого придворнаго званія.

Между тѣмъ Государь, августѣйшее семейство, дворъ и проч. прибыли въ Москву для коронаціи. Прибытіе гвардіи и появленіе иностранныхъ мундировъ дипломатическаго корпуса, дотоѣ невиданныхъ нами, очень насъ интересовало. Государь, не вѣзжая въ городъ, остановился въ Цетровскомъ дворцѣ со всѣмъ дворомъ. Церемоніальный вѣздъ долженъ былъ отправиться по Тверской; здѣсь по всей улицѣ, гдѣ только позволяло мѣсто, были устроены ложи и скамьи для зрителей; окна домовъ также продавались по баснословнымъ цѣнамъ. Въ объявленный для шествія день, все наше семейство отправилось къ нанятому окну смотрѣть изъ него на церемонію, кромѣ меня. Я остался одинъ дома; это была жертва принципа: я не хотѣлъ участвовать при встрѣчѣ *деспота*!.... Не нужно говорить, что не только *деспотъ*, но даже никто изъ нашей семьи не замѣтилъ моего отсутствія; тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что я совершилъ нѣчто въ родѣ подвига. Таково было мое легкомысліе! Не смотря на мои 19-ть лѣтъ, въ характерѣ моемъ и во взглядѣ было еще много, очень много дѣт-

скаго, неустановившагося, незрѣлаго!... Вслѣдствіе этого смѣшнаго самообольщенія и желая выдержать мой характеръ, я не видалъ ничего относящагося до коронаціи и жилъ въ Москвѣ какъ будто въ другомъ городѣ. Разъ только, во время великолѣпной иллюминаціи, когда Иванъ Великій горѣлъ разноцвѣтными огнями, а Кремлевскія стѣны и вся крѣпость были залиты свѣтомъ шкаликовъ, я рѣшился идти въ Кремлевскій садъ. Зрѣлище въ самомъ дѣлѣ великолѣпное. Густыя толпы народа едва позволяли двигаться по саду. Неглинная была запружена экипажами въ нѣсколько рядовъ; все шумѣло, все было въ радостномъ движеніи, праздничная суматоха была повсюду—одинъ я былъ мраченъ. Я представлялъ себѣ пять висѣлицъ и тѣхъ несчастныхъ, которые на нихъ погибли за благо Русскаго народа. При этомъ, конечно, я воображалъ себя героемъ и ставилъ себя выше всей *этой презрѣнной толпы!* Съ такими мыслями моя прогулка не могла мнѣ доставить удовольствія, и я поспѣшилъ вырваться изъ толпы. Когда я вышелъ на Знаменку, чтобы идти домой, темная улица показалась мнѣ великолѣпною; и въ самомъ дѣлѣ, переходъ отъ толпы, шума и блеска иллюминаціи въ тишину и безлюдство широкой улицы, освѣщаемой полнымъ свѣтомъ луны, былъ истинно поразителенъ. Въ поэтическомъ настроеніи я любовался тихимъ сіяніемъ полной луны, мерцаніемъ яркихъ звѣздъ и ясностью темносиняго неба. Отвратительною и гадкою казалась мнѣ блистательная иллюминація съ ея разноцвѣтными огнями и съ заревомъ стоявшей надъ нею копоти. Шумъ и толкотня ликующаго народа, предпочитающаго кукольную забаву искусственнаго освѣщенія этой красотѣ величественной природы, казались мнѣ неизъяснимымъ и непростительнымъ дурачествомъ. Я забывалъ, что самъ такъ часто, и прежде, и послѣ видалъ эту величественную красоту, и смотрѣлъ на нее безучастно!...

Между тѣмъ мой добрый геній, мой покровитель Масловъ не переставалъ обо мнѣ заботиться. По случаю коронаціи всѣ части государственнаго управленія сосредоточились въ Москвѣ и не только имѣли своихъ представителей въ лицѣ министровъ и главноуправляющихъ, но нѣкоторыя имѣли при себѣ цѣлыя учрежденія и дѣлопроизводство. Комиссія прошеній, столь необходимая во время коронаціи, когда народъ, полный надеждъ и вѣры къ новому царю, смѣлѣе обращается къ нему съ личными просьбами, оставалась однакоже въ С.-Петербургѣ; потому что въ самое это время, по случаю открытія лихоимства между ея чиновниками, статсъ-секретарь у принятія прошеній П. А. Кикинъ находился въ немилости. Въ Москвѣ былъ учрежденъ временный комитетъ прошеній подъ предсѣдательствомъ князя А. А. Голицына изъ пожалованныхъ новыхъ статсъ-секретарей Лонгинова и Блудо-

ва. Первый, которому предоставлено управленіе и канцеляріей комитета, поступилъ изъ секретарей императрицы Елисаветы Алексѣевны, только что предъ тѣмъ скончавшейся въ Бѣлевѣ, по пѣти въ Москву изъ Таганрога, а второй изъ дѣлопроизводителей слѣдственной коммисіи и верховнаго суда, учрежденнаго надъ мятежниками. Канцелярія комитета состояла изъ двухъ чиновниковъ, бывшихъ въ комитетахъ Императрицы: Густава Адольфовича Шверина и Ильи Ем. Ходовскаго. Нужное для дѣлопроизводства число чиновниковъ предположено было временно набрать въ Москвѣ. Масловъ, бывшій въ связяхъ съ Шверинымъ по масонству, поступилъ въ нее одинъ изъ первыхъ и опредѣлилъ туда же и меня.

Канцелярія помѣщалась въ домѣ, занимаемомъ Лонгиновымъ, гдѣ-то около Кузнецкаго моста и Лубянки. Когда я поступилъ въ нее, тамъ было уже много чиновниковъ. Большинство ихъ принадлежало почтовому вѣдомству и было прикомандировано княземъ Голицынымъ, который былъ главноуправляющимъ почтовымъ департаментомъ. Въ числѣ временно поступившихъ, подобно Маслову, былъ С. Д. Нечаевъ, бывшій предъ тѣмъ директоромъ Тульской гимназіи и прежде того еще поэтомъ и литераторомъ; онъ принадлежалъ къ масонскимъ ложамъ. Знакомство мое съ нимъ, начатое здѣсь, продолжалось во всю жизнь до его смерти. Здѣсь же познакомился я съ Пальчиковымъ, получившимъ воспитаніе въ Царскосельскомъ лицѣѣ. Это была самая симпатичная, привлекательная личность, съ какими не часто приводилось мнѣ встрѣчаться въ жизни.

Я, не смотря на мои 19-ть лѣтъ, былъ еще до того неопытенъ, можно сказать, до того дитя, что не только дичился всѣхъ и страшно конфузился при каждомъ новомъ знакомствѣ, но смотрѣлъ на канцелярію какъ на школу, а на старшихъ чиновниковъ, какъ на гувернеровъ. Меня заставили дѣлать выписки изъ всеподд. просьбъ для доклада комитету, которому было предоставлено рѣшать ихъ отъ имени Государя. При этомъ принято за правило не отказывать никому, но и ничего не рѣшать окончательно, а объявлять просителямъ, что по ихъ просьбамъ высочайше повелѣно то-то и то-то; а это «то-то и то-то» состояло въ передачѣ просьбъ въ надлежащее вѣдомство или указаніе, чтобы просили по порядку. Всѣ мы, начиная отъ старшаго, какъ бы въ родѣ правителя канцеляріи, Шверина и до послѣдняго меня, не имѣли понятія ни о законахъ, ни о службѣ, ни о компетенціи государственныхъ учрежденій. Можно себѣ представить, какіе куріозы должны были происходить отъ такихъ дѣльцовъ. Вотъ примѣръ. Ко мнѣ доставлена жалоба Тамбовской помѣщицы, вдовы генералъ-маіора Циммермана на 8-й департаментъ Сената по дѣлу

объ имѣніи, оставленномъ ей мужемъ. Просьба была голословная и безъ приложенія копіи съ рѣшенія Сената. По сдѣланной мною выпискѣ, комитетъ, вѣрный правилу не давать прямыхъ отказовъ никому, объявилъ, что ей по высочайшему повелѣнію предоставлено просить «по порядку». Но какой это порядокъ и кого надобно было просить послѣ отказа Сената? Комитетъ безъ сомнѣнія самъ этого не вѣдалъ. Тамбовскіе юристы долго ломали надъ этимъ головы и, наконецъ, рѣшили, что это значитъ просить формою суда, и указали просительницѣ на Уѣздный Судъ. Уѣздный Судъ, понявъ точно также эту резолюцію комитета и имѣя въ виду высочайшее повелѣніе объявленное вдовѣ Циммерманъ, рѣшилъ дѣло въ ея пользу, не смотря на то, что при первомъ своемъ рѣшеніи высказался противъ нея. «Высочайшее повелѣніе» очевидно играло здѣсь важную роль, ибо заставило судъ «не стѣсняться прежнимъ рѣшеніемъ». Также точно поступила и Гражданская Палата, куда по аппелляціи противниковъ было перенесено дѣло; она также, «не стѣняясь прежнимъ рѣшеніемъ», бывшимъ противъ г-жи Циммерманъ, постановила новое въ ея пользу. Только Сенатъ догадался, наконецъ, въ чемъ дѣло. Когда къ нему поступила аппелляція на палату, онъ «не стѣснился» высочайшимъ повелѣніемъ и рѣшилъ дѣло по существу и по справедливости. Г-жа Циммерманъ, конечно, этимъ не удовлетворилась и принесла новую всеподданнѣйшую жалобу; но она поступила уже въ Коммиссію Прошеній, гдѣ лучше знали дѣло, чѣмъ въ комитетѣ и тамъ оставили безъ уваженія по неосновательности. Всю эту исторію узналъ я изъ этой послѣдней жалобы, попавшей въ мои руки, когда я служилъ уже въ Коммиссіи Прошеній.

Помню я, что первая бумага, попавшая въ мои руки въ Москвѣ, была просьба полковника Хошоутовской Калмыцкой орды князя Тюменева. Этотъ кочевникъ просилъ о ненарушимомъ охраненіи ихъ вольностей и обычаевъ. Онъ началъ свою просьбу словами: «Одно изъ величайшихъ заблужденій правительствъ состоитъ въ томъ, что они стремятся устроить благосостояніе своихъ подданныхъ по своимъ, а не по понятіямъ народа». Истина конечно элементарная, чуть непошлая; но по моей неопытности она сильно поразила меня, особенно высказавшаяся ханомъ Калмыцкой кочующей орды, такъ что я и доселѣ не забылъ этой фразы.

Наконецъ, 22 Августа совершилась коронація. Я, все еще вѣрный моимъ впечатлѣніямъ, не былъ въ Кремлѣ и не видалъ ничего. Московскіе гости начали разѣзжаться. Передъ отъѣздомъ Государя начали у насъ готовить представленія къ наградамъ. Я по моей наивности не только ничего не желалъ, но даже не понималъ своихъ

заслугъ: мнѣ казалось что двухъ-трехъ-мѣсячныя занятія въ канцеляріи не стоили ровно ничего. Пока тянулось дѣло объ этомъ представленіи, я продолжалъ ходить въ канцелярію. Дѣла было немного, да и то по большей части взывалилось на чернорабочихъ чиновниковъ почтамта; двѣтъ канцеляріи, молодые люди выспаго полета, занимались бесѣдами и разными новостями и анекдотами. Литература въ то время была въ большомъ ходу. Прощеніе Пушкина и возвращеніе его изъ ссылки составляли самую крупную новость эпохи. Между нами чуть не товарищъ Пушкина, Пальчиковъ, выпущенный изъ Лицея нѣсколькими выпусками послѣ него *), приносилъ намъ новые стихи Пушкина, и мы пользовались ими чуть не изъ первыхъ рукъ.

Въ концѣ Сентября намъ объявили, что канцелярія закрывается и ст.-секр. Лонгиновъ отправляется въ С.-Петербургъ вслѣдъ за отъѣздомъ Государя. При этомъ каждому изъ насъ выдали свидѣтельства о занятіяхъ нашихъ въ канцеляріи за подписомъ ст.-секретаря и за его печатью. Вскорѣ затѣмъ вышли и награды: чины, ордена, подарки. Я былъ произведенъ въ чинъ 14 класса съ повелѣніемъ опредѣлить меня на службу. Я былъ чрезвычайно радъ и тому, и другому. Въ семействѣ нашемъ это было торжествомъ. Моя добрая мать, можно сказать, не помнила себя отъ радости, а я такъ гордился моимъ чиномъ, что свысока смотрѣлъ на брата Ивана, который хотя и былъ записанъ въ Сенатъ, но по болѣзни служить не могъ и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ взять отставку съ чиномъ канцеляриста. По ходатайству С. А. Маслова, Лонгиновъ согласился опредѣлить меня къ себѣ и обѣщалъ извѣстить меня объ этомъ изъ С.-Петербурга.

Когда дворъ и всѣ Петербургскіе гости уѣхали изъ Москвы, жизнь ея пошла прежней чередою. Кратковременная моя служба при комитетѣ прошеній доставила мнѣ нѣсколько знакомствъ. Посѣщая ихъ, я знакомился съ другими. Сидя однажды въ театрѣ, я заговорилъ въ антрактѣ съ моимъ сосѣдомъ, который, судя по костюму и по манерамъ, принадлежалъ къ хорошему обществу. Онъ говорилъ очень умно и выказалъ много вкуса и образованности. Отъ сужденія о дававшейся піесѣ разговоръ перешелъ на литературу. Собесѣдникъ мой и здѣсь говорилъ какъ знатокъ; оказалось, что онъ и самъ занимался словесностью и писалъ стихи. Мы познакомились: онъ называлъ себя «Волковъ».

Отст. поручикъ Платонъ Григ. Волковъ служилъ въ гвардіи и получилъ воспитаніе у іезуитовъ, гдѣ въ его время воспитывались сыновья нашихъ вельможъ, Строгановы, Протасовы, Гагарины и др.

*) Кажется, двумя.

Волковъ былъ очень красивъ собою, вкрадчивъ, уменъ и обладалъ положительнымъ дарованіемъ, какъ стихотворецъ; онъ особенно отличался какъ переводчикъ. Въ С.-Петербургѣ въ свое время онъ былъ вхожъ въ лучшіе дома и женился на граф. Вѣлинской, родной сестрѣ графини Бобринской. Въ Москвѣ онъ жилъ въ домѣ сей послѣдней, что у Страстнаго монастыря. Я по его вызову поѣхалъ къ нему. Это былъ вполнѣ барскій домъ, великолѣпно отдѣланный, съ роскошною мебелью и ливрейною прислугою. Волковъ, какъ хозяинъ, былъ еще любезнѣе, чѣмъ какъ собесѣдникъ; онъ угостилъ меня гастрономическимъ завтракомъ, превосходно сервированнымъ и наполнилъ меня отличнымъ виномъ. Знакомство наше утвердилось. Волковъ ѣздилъ ко мнѣ, я къ нему; мы сдѣлались друзьями. Въ 19 лѣтъ дружба скачетъ на почтовыхъ, и мы уже говорили другъ другу «ты». Не знаю, что нашелъ во мнѣ Волковъ; для меня онъ казался особенно привлекателенъ своимъ умомъ и свѣтскою образованностію. Немалую долю привлекательности въ моихъ глазахъ имѣло его «литераторство». Я и самъ писывалъ стихи *); но онъ ихъ «печаталъ!» До того времени я былъ знакомъ изъ литераторовъ только съ Ник. Фил. Павловымъ, напечатавшимъ свое стихотворство—переводъ «Маріи Стюартъ»; теперь литературное мое знакомство умножилось. Мы съ Волковымъ сдѣлались неразлучны.

Между тѣмъ я получилъ увѣдомленіе отъ Шверина, съ которымъ, благодаря Маслову, я сблизился болѣе другихъ, что Лонгиновъ назначенъ ст.-секретаремъ у принятія прошеній и принимаетъ меня въ свою канцелярію. О жалованьи не говорилось ни слова, но меня приглашали въ С.-Петербургъ. Сборы были непродолжительны. Я собрался ѣхать вмѣстѣ съ Никол. Алексѣев. Татищевымъ, который только что передъ тѣмъ записался на службу въ военное министерство. Тогда до С.-Петербурга еще не ходило и дилижансовъ, и шоссе еще не было окончено. Мы рѣшились ѣхать на почтовыхъ, въ перекладныхъ саниахъ, разумѣется, на половинныхъ издержкахъ. Передъ отъѣздомъ я посѣтилъ Александра Сем. Крюкова, отца Марьи Ал. Лонгиновой, съ которымъ былъ уже знакомъ по Обществу Сельск. Хоз-ва. Жена его Прасковья Алекс-на, урожд. княжна Черкаская, очень бойкая женщина, вполнѣ владѣвшая мужемъ, и дочь Анна Алекс-на, оставшаяся въ дѣвицахъ по уродливости, очень меня обласкали, хотя и не безъ тона покровительства, какъ будущаго подчиненнаго ихъ зятя. Они предложили мнѣ письма къ Лонгиновымъ и по Московскому обычаю

*) Некоторые изъ этихъ стиховъ сохранились въ тетрадяхъ графа Д. Н. Толстаго.

хотѣли воспользоваться «оказіей», чтобы доставить туда посылку. И то и другое было вручено мнѣ вскорѣ.

Послѣ великолѣпнаго прощальнаго обѣда даннаго мнѣ Волковымъ, я распростился съ матерью и, получивъ на отъѣздъ 300 р. асс., вмѣстѣ съ Татищевымъ отправился въ С.-Петербургъ. Эта дорога была для меня первымъ, довольно продолжительнымъ и самостоятельнымъ путешествіемъ на почтовыхъ и притомъ на перекладной. Несясь на лихой тройкѣ по Валдайскимъ горамъ, я потерялъ данную мнѣ Крюковыми посылку. Можно представить то отчаяніе, въ какомъ я находился. Какъ покажусь я на глаза Лонгиновой! Все это, особенно при моей застѣнчивости, ужасно меня тревожило. На первой же станціи я поручилъ смотрителю розыскать мою потерю и далъ ему въ видѣ наградныхъ денегъ тому, кто отыщетъ, около 20 цѣлковиковъ, что по тогдашнему курсу составляло слишкомъ 80 рубл. ассигн. Не нужно прибавлять, что деньги эти, составлявшія чувствительный ущербъ въ моихъ финансахъ, пропали безъ пользы, и посылка не отыскалась.

Въ С.-Петербургѣ мы остановились въ гостинницѣ Варварина (нынѣ уже не существующей) въ Большой Мѣщанской улицѣ. Въ тотъ же день, еще не являясь къ Лонгиновымъ, я отправился искать себѣ квартиру, которую и нашелъ въ Галерной у какой-то Нѣмки, заплативъ нѣсколько рублей задатку.

На другой день я отправился на Моховую, гдѣ въ домѣ Чистаго, жилъ Н. М. Лонгиновъ, а внизу помѣщалась канцелярія. Это было утромъ. Н. М. сидѣлъ въ столовой комнатѣ за утреннимъ чаемъ въ кругу семейства, состоявшаго изъ жены и троихъ дѣтей-мальчиковъ. Марья Александровна была лѣтъ 30; старшему сыну Александру было лѣтъ 10—11, второму Дмитрію 9 и меньшему Михаилу лѣтъ 5 или 6. Приняли меня чрезвычайно ласково; но я былъ очень сконфуженъ сдѣланнымъ мнѣ привѣтствіемъ на Французскомъ языкѣ, на которомъ я тогда не только не говорилъ, но и понималъ очень плохо. Я подалъ хозяйкѣ дома письмо отъ ея родителей и извинился какъ умѣлъ въ потерѣ посылки; оказалось, что это было домашнее варенье. Начались шутки; мнѣ приписывали, что я не потерялъ, а самъ съѣлъ его и т. п.; но мнѣ дорого обошлись эти нѣсколько фунтовъ варенья.

Послѣ чая Лонгиновъ взялъ меня въ кабинетъ. Тамъ онъ распростилъ меня о моихъ средствахъ; я отвѣчалъ, что надѣюсь получать изъ дому по 2000 р. асс. въ годъ. «Этого очень достаточно», сказалъ онъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ мнѣ явиться къ правителю канцеляріи Н. Петр. Иванову и заниматься подъ руководствомъ его помощника Ив. И. Фундуклея. Жалованья мнѣ назначено было 200 р. асс. въ годъ. Вниманіе моего добраго и почтеннаго начальника ко

мнѣ не ограничилось этими первыми распоряженіями о моей службѣ; онъ предложилъ мнѣ нанять квартиру на верху того же дома, въ которомъ жилъ самъ, приказалъ своему дворецкому ѣхать со мною въ гостинный дворъ и купить нужную мебель. Такимъ образомъ, поселившись въ одномъ домѣ съ Лонгиновыми, въ квартирѣ, имѣвшей внутреннее сообщеніе съ его комнатами, я какъ бы сдѣлался членомъ его семейства. Мнѣ было предложено обѣдать у него, когда мнѣ угодно; но я по застѣнчивости пользовался этимъ сколько можно рѣже. Квартира моя состояла изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ въ одной была устроена перегородка для моей спальни изъ прихожей. Маленькія эти чистенькія комнатки, обставленныя новою, краснаго дерева мебелью, приводили меня въ восторгъ. Какое-то невыразимое чувство довольства при видѣ своего *home* дѣлало меня счастливымъ.

Скоро, не смотря на мою застѣнчивость, я свылся съ канцеляріею и сблизился, безъ разбора, со многими, если не со всѣми, ея чиновниками. Первымъ знакомствомъ моимъ былъ только что выпущенный изъ Царскаго Лицея Степанъ Ивановичъ Смирновъ. Мы сошлись съ нимъ съ перваго раза, и дружба наша не прерывалась до конца его жизни, когда онъ умеръ уже старикомъ, окруженный женою и дѣтьми, составлявшими отраду его жизни. Быть можетъ, мнѣ не случится встрѣтиться съ нимъ въ этихъ Запискахъ, и потому я посвящаю нѣсколько строкъ его памяти.

Смирновъ, сынъ нашего консула въ Голландіи (измѣнически зарѣзаннаго во время нашей войны съ Французами) и матери Англичанки, урожденной Месонъ (*miss Masson*). Онъ былъ милый, умный и очень оригинальный человѣкъ. Семейство его состояло изъ матери старухи, не говорившей ни слова по-русски и очень плохо объяснявшейся по-французски, и 4-хъ сестеръ, изъ коихъ старшая, которой я лично не зналъ, тотчасъ по выпускѣ изъ институтъ, уѣхала въ Америку, чтобы обвѣнчаться съ своимъ двоюроднымъ братомъ, съ которымъ по обоюдному согласію родителей была обручена еще чуть ли не съ пеленокъ и котораго никогда не видывала. Остальныя три сестры, Елена, Луиза и Анна, также воспитанныя въ институтѣ, жили при матери; меньшой сынъ Иванъ учился въ какомъ-то корпусѣ *). Кромѣ этихъ лицъ, въ семействѣ жилъ пріѣхавшій изъ Индіи отставной капитанъ Месонъ, родной братъ г-жи Смирновой, замѣчательный живописецъ животныхъ въ родѣ Поль-Поттера, самъ Смирновъ (мой сослуживецъ) и баронъ Розенъ, товарищъ его по Лицею....

*) Это внуки и правнуки извѣстнаго Лондонскаго священника Я. И. Смирнова. П. В.

II.

12 Марта 1864 г. *).

Сегодня минуло мнѣ 58 лѣтъ! Возрастъ этотъ даетъ себя чувствовать и безъ помощи календаря. Старческіе недуги, ослабленіе чувствъ и общій упадокъ силъ ясно говорятъ мнѣ, что я болѣе уже не дѣйтель, что я сошелъ съ гражданской сцены безвозвратно и что время, которое Богу угодно будетъ даровать мнѣ еще на землѣ, должно быть обречено полному бездѣйствію. Такое положеніе было бы очень тяжело для человѣка, привыкшаго къ постоянному труду, еслибы не воспоминанія, которыхъ, благодаря образу всей моей жизни, у меня запасъ немалый. Итакъ, достигнувъ до настоящаго положенія блаженнаго покоя, я скажу стихами Пушкина:

«Дай оглянусь.....»

Оглянусь не на всю жизнь, не на всю ту разнообразную дѣятельность, которую Господь послалъ на мою долю. Долго было бы излагать воспоминанія о свыше 10-ти лѣтней службѣ моей въ Коммисіи Прошеній, гдѣ я былъ производителемъ дѣлъ 1-й экспедиціи и гдѣ у меня были въ производствѣ дѣла 1-го и 4-го департаментовъ Сената, рано и одновременно познакомившія меня съ администраціею и судомъ. Не буду воспоминать о службѣ по временному управленію Царствомъ-Польскимъ, гдѣ я, во все продолженіе войны 1831 г., былъ правителемъ канцеляріи при графѣ Строгановѣ и вѣлъ дѣла по военнo-гражданскому управленію цѣлаго края. Пятилѣтнее управленіе мое въ качествѣ директора Нижегородской ярмарки дало мнѣ способъ близко познакомиться съ состояніемъ нашей внутренней и отпускной въ Азію торговли. Управленіе секретной канцеляріей Остзейскаго ген.-губернатора могло бы также доставить обильный запасъ воспоминаній, тѣмъ болѣе, что время моего служенія въ Ригѣ было необыкновенное, и дѣла, мнѣ порученныя, не имѣли antecedентовъ и производились не на основаніи канцелярскихъ справокъ. Послѣдующее за тѣмъ служеніе при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, многочисленные разъѣзды по всѣмъ концамъ Россіи, ревизіи губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, занятія въ качествѣ производителя дѣлъ по

*) Этотъ второй отрывокъ писанъ графомъ Толстымъ въ селѣ Знаменскомъ, когда онъ находился въ полной отставкѣ. II. Б.

Остзейскому комитету, учрежденному для улучшения быта тамошних крестьянъ, такіе же труды и по многимъ другимъ комитетамъ; служба въ званіи вице-директора сначала хозяйственнаго, а потомъ полицейскаго департамента, наконецъ, бытность губернаторомъ въ трехъ губерніяхъ: все это представляетъ такой запасъ воспоминаній, что его достало бы на томы и не могло бы помѣститься въ томъ краткомъ очеркѣ, который я началъ писать.—Итакъ, оглянусь только на послѣднее время; вспомню о послѣдней моей дѣятельности въ званіи директора департамента полиціи исполнительной.

Извѣстно то жалкое, можно сказать, антигосударственное направленіе чиновничьяго міра, которое, вскорѣ послѣ Крымской войны возникнувъ въ С.-Петербургѣ, все болѣе и болѣе распространялось и начинало уже проникать въ провинціи. М. вн. дѣлъ Ланской, безъ собственнаго вѣдома, былъ какъ бы главою этого направленія. Никогда не отличавшійся особенными государственными способностями, этотъ впрочемъ благородный и добродушный старецъ, память котораго я глубоко уважаю, попалъ во главу управленія министерствомъ въ то время, когда крестьянскій вопросъ дозрѣвалъ въ высокой мысли Государя, и разрѣшеніе его становилось все болѣе необходимымъ. Не мѣсто здѣсь разсматривать, въ какой мѣрѣ были патріотичны стремленія главныхъ его дѣятелей; когда-нибудь, въ другомъ трудѣ, если Богъ продлитъ жизни, я постараюсь подробнѣе опредѣлить характеръ и дѣятельность промоторовъ и такимъ образомъ воздать *suum cuique* *). Здѣсь упомяну только, что явный и рѣшительный толчокъ крестьянскому дѣлу былъ данъ (притомъ совершенно случайно) Назимовымъ, и за нимъ Ланскимъ. Первый поводъ къ тому подало Литовско-польское дворянство и, конечно, не въ пользу Русскаго патріотизма. Но таковы судьбы Россіи! Нерѣдко, планы, замышляемые ея врагами, обращаемы были благимъ Провидѣніемъ въ ея же пользу. Такъ и здѣсь. Кто сразу становятся первыми дѣятелями гражданской реформы? Вѣдь были же и прежде люди, ясно понимавшіе несовременность положенія крѣпостныхъ крестьянъ и искренно желавшіе уничтоженія этого безобразнаго права (Бибииковъ, Киселевъ, Л. Перовскій), но не успѣвшіе ничего сдѣлать. И вотъ на мѣсто ихъ судьба выдвигаетъ людей вгоростепенныхъ достоинствъ, и они хотя чужими руками, но совершаютъ великое дѣло. Такъ буія міра избра Господь, да премудрыя посрамить.

*) Это сдѣлано покойнымъ въ его статьѣ „Дай оглянусь“. Р. Арх. 1881 г. кн. II, стр. 174.

Крестьянская реформа была слишкомъ громаднымъ событіемъ для того, чтобы не основать разомъ двухъ враждебныхъ лагерей въ обществѣ. Одни были искренними сторонниками этого дѣла и видѣли въ мирномъ его разрѣшеніи источникъ дальнѣйшихъ нашихъ успѣховъ въ политическомъ развитіи государства. Большинство этой партіи состояло изъ дворянъ-помѣщиковъ, и по условіямъ Петербургской жизни, почти не было тамъ замѣтно. Другая партія, многочисленная, сильная, несокрушимая въ С.-Петербургѣ, имѣвшая и въ провинціи своихъ единомышленниковъ, состояла исключительно изъ чиновниковъ, литераторовъ и журналистовъ. Я не погрѣшу, назвавъ ее красною. Остальная часть лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, состояла изъ помѣщиковъ, которые видѣли въ немъ только экономическую сторону, и потому были крайне недовольны и раздражены, и изъ крестьянъ, которые хотя были сначала упоены, можно сказать, до восторга манифестомъ, но постепенно разочаровались въ своихъ надеждахъ и, охладѣвая, начинали поговаривать о неудовлетворительности данной имъ «воли».

Чиновничья Петербургская партія торжествовала. Въ рукахъ ея были всѣ средства: общественное мнѣніе, внутренняя и заграничная журнальная пресса, м—во вн. дѣлъ. Последнее болѣе и болѣе принимало мѣры и дѣлало распоряженія съ очевидною цѣлію раздражить дворянъ. И цѣль начинала достигаться: губернскія собранія дворянъ одно за другимъ выражались враждебными правительству манифестаціями. Въ губерніяхъ начали обнаруживаться неповиновенія крестьянъ, переходившія въ открытыя волненія.

Въ это время я управлялъ Воронежскою губерніею, хотя моя просьба объ отставкѣ уже давно послана была въ Петербургъ. 8 Апрѣля 1861 г. я телеграфировалъ министру вн. дѣлъ о возмущеніи слишкомъ 10 тысячъ душъ крестьянъ въ Бобровскомъ уѣздѣ. Я писалъ, что ѣду на мѣсто самъ, беру съ собою присланнаго для объявленія манифеста свиты Е. И. В. генерала-маіора Мердера и приму самыя энергическія мѣры, чтобы сразу уничтожить всякія попытки къ нарушенію общественнаго порядка.

Такая рѣшимость не могла понравиться министерству, или вѣрнѣе той партіи, которая дѣйствовала его именемъ, и 9-го Апрѣля все-милостивѣйше уволенъ я отъ службы; Мердеръ вызванъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ коннозаводства, а на наши мѣста назначены г.-м. Чертковъ 25-ти или 26-ти-лѣтній юноша и фл.-ад. Офенбергъ. Распоряженія мои тогда же были описаны въ «Колоколѣ» съ приличными комментаріями, какъ это дѣлается всегда, когда г. Герцену нужно затмить вредную для его направленія истину. Не мѣсто здѣсь описывать

тѣ мѣры, какими министерство постоянно вліяло на губернаторовъ во все это время. Скажу только, что съ одной стороны готовая уступчивость начальниковъ губерній, лишенныхъ всякой самостоятельности, а съ другой—дѣятельность чиновничьей партіи, руководившей министерствомъ, дошли до того, что даже тѣ представленія губернаторовъ, которыя шли съ мѣсто ихъ управленія и носили наружность ихъ собственной инициативы, были внушаемы имъ изъ Петербурга. Такъ, когда губернаторы, вслѣдствіе предоставленнаго имъ Государемъ права, представили избранныхъ ими членовъ отъ правительства въ губернскія присутствія, министерство не утвердило ихъ, а указало на тѣхъ лицъ, которыхъ выбрало само, и губернаторы представили ихъ въ видѣ кандидатовъ. Понятно, какъ этотъ способъ былъ удобенъ для той партіи, которая смотрѣла на все крестьянское дѣло только какъ на средство къ достиженію задуманныхъ цѣлей.

Въ это время Ланской получилъ другое почетное назначеніе, Милютинъ—званіе сенатора съ безсрочнымъ отпускомъ за границу, а министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Валуевъ.

Такое назначеніе было принято съ восторгомъ всѣми, кто искренно былъ привязанъ къ престолу и отечеству. Назначеніе это обѣщало много. Валуева не знали; но знали, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи; знали, что назначеніе его не было слѣдствіемъ интриги, а истекало изъ личнаго выбора Государя, и ожидали отъ него многого. Я зналъ Валуева. Я сблизился съ нимъ въ такомъ еще возрастѣ, когда сближенія бываютъ чисты и безкорыстны. Не буду говорить о его недостаткахъ, отъ которыхъ не свободенъ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ; скажу только о томъ, что онъ соединялъ въ себѣ все, что составляетъ условія благороднаго человѣка. Онъ глубоко преданъ Государю, горячо любитъ отечество, обладаетъ умомъ свѣтлымъ и образованнымъ, вполне владѣетъ собою и умѣньемъ вести себя, пишетъ и говоритъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, работаетъ быстро и неутомимо, имѣетъ доброе, любящее сердце и проникнуть чувствомъ справедливости и правосудія. Таковы личныя его качества. Немудрено, если съ такими достоинствами, которыхъ онъ не можетъ не сознавать въ себѣ, слышимыя имъ отъ окружающихъ лицъ восхваленія принимаются имъ за чистую монету; немудрено, что эгоистическія ихъ выраженія любви къ нему и преданности мало по-малу представляются ему въ видѣ искренней привязанности. Но я опередилъ мои воспоминанія.

Въ это время я жилъ въ деревнѣ. Я написалъ къ Валуеву и предложилъ ему мое сотрудничество. Безъ самовосхваленія скажу, что я руководствовался искреннимъ желаніемъ помочь ему всѣми силами

моихъ слабыхъ способностей и моей огромной опытности. Всякая эгоистическая цѣль была чужда моему поступку. Вступленіе въ службу не только не поправляло моихъ финансовыхъ обстоятельствъ, которыя были не въ цвѣтущемъ положеніи, но еще болѣе разстроивало ихъ. Понятно, что человѣку съ семьей нельзя жить въ С.-Петербургѣ на пять тыс. рублей директорскаго жалованья, а при опредѣленіи въ должность директора поденныхъ денегъ не дается. Нужно было обзавестись всѣми потребностями жизни, приобрести мебель, завести экипажъ; я рѣшился пожертвовать послѣдними моими средствами, чтобы помогать человѣку, котораго любилъ искренно, въ его многотрудныхъ обязанностяхъ на пользу отечества. Валуевъ разумно принялъ мое предложеніе, и я въ Августѣ 1861 года назначенъ директоромъ департамента полиціи исполнительной.

Проѣзжая чрезъ Москву, я нашелъ тамъ крайнее раздраженіе противъ правительства. Правда, взгляды Московскаго общества были трезвѣе тѣхъ, которые я въ послѣдствіи нашелъ въ Петербургѣ; но и здѣсь умы были взволнованы до того, что предсказывали неминуемое и близкое паденіе правительства и даже назначали сроки его существованію. Въ Москвѣ есть у меня много близкихъ знакомыхъ; они предсказывали мнѣ, что я ничего въ Петербургѣ не подѣлаю. Они остроумно сравнивали Петербургъ съ угарною комнатою, войдя въ которую всякая самая свѣтлая голова одурѣетъ и лишится ясности взгляда. Увы, они отгадали, но не совсѣмъ. Я дѣйствительно ничего не сдѣлалъ, но не одурѣлъ, а вышелъ изъ этой комнаты на чистый воздухъ. Но я опять забѣгаю впередъ.

Въ Петербургѣ я нашелъ не то, что мнѣ представляли въ Москвѣ. Я нашелъ полное разложеніе общества. Съ одной стороны полнѣйшее бездѣйствіе полиціи при крайне-маломъ ея числѣ. (Такъ напримѣръ въ С.-Петербургѣ, въ 3-й Адмиралтейской части, гдѣ считается болѣе 60-ти тыс. осѣдлыхъ жителей, 110 тыс. кв. саж. незастроеннаго пространства, до пяти тыс. лавокъ и другихъ торговыхъ заведеній, куда Гостинный, Апраксинъ и Щукинъ дворы, а также гулянье по Невскому проспекту привлекаютъ ежедневно почти все народонаселеніе столицы, было всего 54-ре человѣка нижнихъ полицейскихъ чиновъ, изъ коихъ въ три смѣны находилось на лицо на службѣ только 18-ть человѣкъ). Съ другой—всесовершенная разнузданность нравовъ: вопреки закона, опредѣляющаго время открытія и закрытія трактировъ, харчевенъ, кабаковъ и т. п., зведенія эти не запирались по цѣлымъ ночамъ. Извѣстные въ Петербургѣ шпигбалы не только не скрывали своихъ отвратительныхъ оргій, но еще поощрялись полицією. Безнравственность администраціи дошла до того, что искали въ

ѣтихъ постыдныхъ учрежденіяхъ союзника противъ политическихъ замысловъ людей неблагонадежныхъ. Ослѣпленіе было такъ велико, что спасеніе отечества видѣли въ его деморализаціи! При такихъ обстоятельствахъ я вступилъ въ управленіе департаментомъ полиціи.

Хотя я и прежде былъ знакомъ съ этимъ департаментомъ по службѣ моей въ немъ вице-директоромъ, однакоже я захотѣлъ ближе съ нимъ познакомиться и убѣдиться, на сколько его рутина удалилась отъ мысли законодателя, лежавшей въ основаніи его учрежденія. Съ этою цѣлю я, еще до вступленія въ должность, занялся подробнымъ изученіемъ исторіи его учрежденія и того, что указано о немъ въ Сводѣ Законовъ; но занятія эти остались безполезными. Сводъ Законовъ, указывая съ излишними даже подробностями предметы вѣдомства департамента, ни слова не говоритъ ни о цѣли его учрежденія, ни о той, къ которой онъ долженъ стремиться. Правда, въ законѣ видны тѣ дѣла, которыя поступаютъ въ департаментъ, но эти дѣла точно также могли поступать въ какую-нибудь центральную управу благочинія или въ главную почтовую контору, и государственная администрація едва ли бы замѣтила эту разницу. Законъ, регламентируя дѣятельность каждаго чиновника отъ писца до начальника отдѣленія, опредѣляя форму и количество графъ и заголовковъ каждой канцелярской книги, остался нѣмъ во всемъ, что касалось живой и разумной дѣятельности департамента: однимъ словомъ, законъ имѣлъ въ виду многосложную административную, или правильнѣе канцелярскую, машину и устранялъ все, что составляетъ существенное условіе разумной силы и свободной дѣятельности человѣка.

Понятно, что такое положеніе не могло удовлетворить меня, привыкшаго давать себѣ отчетъ во всемъ, что я дѣлалъ. Вступивъ въ должность, я пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣленій и предложилъ имъ вопросъ: для чего учрежденъ департаментъ? Отвѣта не было; да и не могло быть, потому что его, какъ я уже сказалъ, не было въ законѣ, а всякій отвѣтъ внѣ его составилъ бы только личное умозаключеніе отвѣчающаго. Я просилъ указать мнѣ, чѣмъ ознаменовалось 50-лѣтнее существованіе департамента въ Россіи? Тоже молчаніе, потому что безъ назначенія имъ совѣтниковъ Губернскаго Правленія и полицеймейстеровъ Россія и не знала бы о его существованіи. Я, наконецъ, просилъ по крайней мѣрѣ указать мнѣ, какое изъ губернскихъ правленій въ Имперіи лучше и какое напротивъ самое неудовлетворительное, но и на это съ точностію показаній не получилъ. Не смотря на огромную переписку со всѣми губерніями, на безчисленное множество срочныхъ и несрочныхъ вѣдомостей, столь обременительныхъ для провинцій, въ департаментѣ не было самыхъ

нормальныхъ, самыхъ элементарныхъ свѣдѣній ни о наличномъ составѣ городскихъ и земскихъ полицій, ни объ отношеніяхъ ихъ къ пространству территорій и къ числу жителей, ни о состояніи мѣстъ заключенія и т. п. Вѣдомости о происшествіяхъ, столь необходимыя для наблюденія за бдительностію и правильностію дѣйствій полиціи, составляющія главный элементъ для надзора и направленія ея дѣятельности, въ департаментъ не получались. Онѣ составляли предметъ вѣдомости департамента общихъ дѣлъ и служили тамъ только матеріалами для запоздалыхъ нумеровъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, котораго никто не читалъ. Всѣ дѣла внутренней политики были изъ департамента взяты и переданы въ особую канцелярію министра, а законодательные вопросы по предпринятымъ реформамъ вѣдомства департамента полиціи разрабатывались въ земскомъ отдѣлѣ. Между тѣмъ чиновники работали много, много исписывалось бумаги, и *текущее дѣлопроизводство* шло безукоризненно. Вся эта работа была похожа на дѣятельность бѣлки въ ея колесѣ. Столько же труда, столько же бессознательности и столько же пользы! Хозяйственная часть департамента находилась не въ лучшемъ положеніи: я принялъ кассу съ передержкою канцелярской суммы (если память мнѣ не изменяетъ) до семи тыс. рубл., которую долженъ былъ покрыть экономіею изъ будущихъ поступленій.

Желая осмыслить службу мою въ департаментѣ, я просилъ министра сказать мнѣ, въ чемъ заключается его программа. Это было нужно не только для меня, но и для каждаго члена министерства: только подъ этимъ условіемъ можетъ быть сохранено единство дѣйствій отдѣльныхъ частей, только тогда директоры могутъ принести пользу и быть дѣйствительными сотрудниками министра. Но просьба моя осталась безуспѣшною, и я до сихъ поръ не знаю, чего хочетъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Правда, Валуевъ, отношенія съ которымъ у меня были самыя пріятныя, удостоивалъ меня конфиденціальныхъ разговоровъ, въ которыхъ высказывалъ мнѣ свои виды и стремленія; но это были скорѣе *desideria*, чѣмъ твердо предположенный путь. Я могъ имъ болѣе или менѣе сочувствовать, но директоръ не имѣетъ права принимать ихъ въ руководство.

Отношенія мои съ министромъ, какъ я сказалъ уже, были самыя пріятныя. Его внимательность и снисходительность ко мнѣ были въ самомъ дѣлѣ необыкновенны. Онъ нерѣдко своею любезною добротою сглаживалъ угловатости моего характера и умѣлъ и предпочиталъ всегда болѣе обращаться къ моему сердцу, не оскорбляя моего самолюбія. За то я не только былъ ему преданъ, какъ начальнику, но ежедневно болѣе и болѣе къ нему привязывался. Я не знаю, какого

труда не принялъ бы на себя для министра, чего не сдѣлалъ бы для Валуева! Между тѣмъ, осматриваясь вокругъ болѣе и ближе, я не могъ не замѣтить, что растлѣніе администраціи было въ сущности гораздо серьезнѣе того, о которомъ сказано мною выше. Въ Петербургѣ уже существовало (подобно тому, какъ въ послѣдствіи было въ Варшавѣ), рядомъ съ открытымъ, официальнымъ законнымъ правительствомъ, другое, хотя не подпольное, какъ у Поляковъ, но не менѣе сильное и гораздо болѣе для себя безопасное. Это лига чиновниковъ. Во всѣхъ министерствахъ, во всѣхъ вѣдомствахъ находились чиновники того самаго направленія, которое господствовало въ крестьянскомъ дѣлѣ, въ самой тѣсной между собой связи. Они дружно шли къ предположенной себѣ цѣли и не впускали въ правительство никого, съ направлениемъ себѣ враждебнымъ; если же и случится кому-нибудь (какъ было со мною) вступить въ него безъ ихъ вѣдома, то они употребляли всѣ усилія скорѣе сбыть съ рукъ подобнаго непріятнаго гостя, и ни одна его инициатива, ни одна мысль не получала осуществленія, коль скоро выступала изъ круга собственного вѣдомства. Эти чиновники управляли Имперіей нерѣдко безъ вѣдома министровъ, которыхъ они заваливали пустячной работой, и такимъ образомъ вырывали у нихъ, такъ сказать, на лету подписи, благопріятныя ихъ видамъ. Владѣющіе замѣчательными способностями, не лишены если не науки, то образованія, дружно стремящіеся къ задуманной цѣли, они составляли силу, и притомъ силу разумную, сознающую самое себя, и господствовали въ Петербургѣ, можно сказать, самовластно. Инициатива всѣхъ преобразованій, разрабатывающихся доселѣ, имъ принадлежить. Духъ, господствовавшій во всѣхъ задуманныхъ ими реформахъ, можно бы назвать анархическимъ, еслибъ они смѣли яснѣе его выразить; но я назову его духомъ разложенія и стремленія не къ огражденію самодержавія, не къ возбужденію самоуправленія, а къ ослабленію правительства, какъ правительства (*conditio sine qua non*) и къ возбужденію самоуправления. Всѣ безчисленные комитеты, занимавшіеся реформами, открыто стремились къ ослабленію и даже уничтоженію всякой административной силы. Расчитывая на возбужденіе страсти въ массахъ, они не иначе, даже официально, не отзывались о всякомъ распоряженіи губернской власти (о центральной говорить еще пока не смѣли) какъ объ «административномъ произволѣ»: это было у нихъ *terme consacrée*. Полицію, столь необходимую въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, будь оно самодержавною монархіею или управляйся президентомъ, они стремились ослабить до возможности, унижить до омерзения; служившая имъ журнальная пресса бросала въ нее грязью безнаказанно. Стоитъ припомнить тотъ шумъ, который былъ поднять

по случаю заарестованія на одну ночь Псковскимъ полицеймейстеромъ чловѣка безпаспортнаго, чтобы понять направленіе того времени *).

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ выходомъ Милютина, такихъ чиновниковъ осталось мало. Я разумѣю чиновниковъ, руководящихъ, потому что лицъ «мелкой сошки» съ этимъ направленіемъ и потомъ въ немъ осталось довольно. Главными были Соловьевъ и Г. Перваго я зналъ прежде мало, а послѣдняго близко. Во времена Перовскаго, когда въ министерствѣ была цѣлая фаланга людей дѣйствительно способныхъ, онъ принадлежалъ къ числу людей бездарныхъ, безсознательно увлекающихся высшимъ направленіемъ лицъ, болѣе или менѣе даровитыхъ. Такъ въ это время онъ былъ отголоскомъ Як. Ханыкова. Добрый Г. былъ незамѣтнымъ. Теперь я нашелъ его въ числѣ «передовыхъ людей» (техническое названіе, принятое чиновничьимъ правительствомъ для своихъ агентовъ) и во главѣ разныхъ реформъ, предпринятыхъ для блага Россіи. Мнѣ пришлось повторить стихъ Грибоѣдова: «Бываютъ на землѣ такія превращенія!»

Соловьевъ чловѣкъ другаго рода. Работая по крестьянскому дѣлу съ особеннымъ остервененіемъ противъ помѣщиковъ, вредя имъ всѣми силами души и воли, онъ возбудилъ къ себѣ общую ихъ ненависть. Самолюбивый въ высшей степени, онъ и въ этомъ чувствѣ видѣлъ свою иллюстрацію и, какъ сказано въ писаніи: «не восхотѣ благословенія и возлюбилъ клятву». Собственно, способности его не превышаютъ посредственности; но одаренный неуклончивостію, постоянствомъ направленія и энергіею воли, онъ былъ особенно вреденъ и для Валуева, подвергая его постоянно и умышленно общественному негодованію, и для дѣла, возбуждая столкновенія и вражду между двумя сословіями, интересы которыхъ были ввѣрены его администраціи.

При вступленіи моемъ въ министерство, Соловьевъ сразу понялъ, что находитъ во мнѣ противника. Онъ и не ошибся. При первой же возможности я говорилъ Валуеву о неудобствѣ оставлять въ рукахъ Соловьева управленіе крестьянскимъ дѣломъ во первыхъ, потому, что односторонность его взглядовъ была слишкомъ извѣстна, а во вторыхъ, потому, что опасно оставлять у него въ рукахъ то дѣло, въ которомъ онъ участвовалъ еще въ редакціонныхъ комиссіяхъ и тамъ постоянно отличался крайностію своего направленія; что, при разборѣ просьбъ, возникающихъ изъ свойствъ Положеній 19 Февраля, Соловьевъ становится судьей въ собственномъ дѣлѣ, и что, нако-

*) Это былъ арестъ извѣстнаго собирателя народныхъ пѣсень П. И. Якушкина. Кто помнитъ образъ его жизни и самую наружность, тотъ согласится, что этотъ добрыйшій въ сущности чловѣкъ легко могъ возбудить подозрительность полиціи. П. Б.

нецъ, нѣтъ сомнѣнiя, что онъ будетъ стремиться провести теперь тѣ мѣры, которыя были отвергнуты редакціонными комиссіями. Валуевъ отвѣчалъ, что онъ во первыхъ, не признаетъ Соловьева достаточно геніальнымъ, чтобы опасаться его вліянія, и во вторыхъ, находитъ неудобнымъ смѣнять его сейчасъ по вступленіи въ управленіе министерствомъ, тѣмъ болѣе, что такая смѣна дала бы неминуемый и вредный оборотъ крестьянскому дѣлу. Нельзя не согласиться, что Валуевъ былъ правъ и смотрѣлъ на дѣло ясно. Я былъ успокоенъ.

Между тѣмъ дѣла внутренней политики были день ото дня хуже. Государя въ Петербургѣ не было. Подъ вліяніемъ чиновничьей партіи, возникала другая, уже крайне красная. Доселѣ Герценъ и Огаревъ были апостолами революціи и читались въ столицѣ почти публично; теперь доморощенные демагоги нашли ихъ устарѣвшими и начали издавать свои подпольные листки. Вскорѣ появились и прокламаціи вполне зажигательныя. Онѣ ходили по городу, ихъ разносили по домамъ, всовывали въ карманы проходящимъ, и полиція не открывала виновныхъ. Она и не могла открыть при томъ малочисленномъ составѣ, о которомъ я уже упоминалъ, и при такомъ оберъ-полицеймейстерѣ, какъ Паткуль.... Всѣ эти явленія, столь недавно совершившіяся, кажутся теперь невѣроятными! Дѣйствительно, сколько нужно было увѣренности въ безнаказанности, чтобы рѣшиться предпринять напримѣръ изданіе журнала подпольнаго? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ вѣрить, что всѣ эти листы, тысячами разбросанные въ столицѣ и разосланные по губерніямъ, печатались ручными станками. Да еслибы это было и такъ, такихъ станковъ потребовалось бы множество. Какъ же не знали о ихъ существованіи? Какъ, наконецъ, не знали, когда и кому проведены они чрезъ таможенную? *)

Общественное мнѣніе столицы волновалось. Молодежь; которой вообще нравится всякая удалъ и которая преимущественно въ Петербургѣ воспитана подъ вліяніемъ разлагающихъ началъ, ех cathedra преподаваемыхъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, сочувствовала безпорядкамъ. Начались такъ называемыя студенческія исторіи; а въ Петербургѣ и въ Москвѣ студенты произвели публичныя демонстраціи. Ихъ оставили дѣйствовать свободно, а потомъ ночью перехватывали по квартирамъ и посадили въ крѣпость. Назначены слѣдственные комиссіи, судебныя преслѣдованія, которымъ не было видно

*) Въ Зимнемъ дворцѣ, въ день Святой Пасхи, когда начали разгавливаться, на приборахъ, лежали прокламаціи, спрятанныя въ салфеткахъ. Кромѣ покойнаго графа Д. Н. Блудова (который о томъ рассказывалъ намъ осенью 1863 года) ссылаемся на многихъ современниковъ, доселѣ здравствующихъ. П. Б.

конца. Въ тоже время начиналъ проявляться тотъ украинофильскій сепаратизмъ, который нынѣ уже развился безвозвратно.

Всѣ эти событія не могли быть для меня безразличными, особенно въ качествѣ директора департамента полиціи; а между тѣмъ департаментъ былъ совершенно отстраненъ отъ всякаго производства дѣлъ политическихъ, которыя (какъ я сказалъ уже) велись въ особой канцеляріи министра. Валуевъ первый признавалъ это несвойственнымъ и говорилъ мнѣ, что всѣ эти дѣла будутъ переданы мнѣ по принадлежности. Передачи этой однако не послѣдовало. Я не знаю настоящей причины этому; но, судя по другимъ даннымъ, вправѣ предполагать, что министру показалось удобнѣе вѣрить ихъ человѣку безъ собственныхъ воззрѣній и не слышать тѣхъ рѣзкихъ возраженій, которыя я иногда позволялъ себѣ въ интересахъ какъ дѣла, такъ и самого Валуева. Отстраненный такимъ образомъ отъ дѣла существенной важности, имѣвшаго огромное вліяніе на общество, служившаго корнями раздора между публикой и правительствомъ, дѣла, для котораго собственно я принялъ званіе директора департамента, я предался усердно занятіямъ по текущимъ дѣламъ департамента, занятіямъ безплоднымъ и утомительнымъ, которыя одинъ изъ начальниковъ отдѣленій департамента удачно назвалъ водотолченіемъ.

Чтобы по возможности не возвращаться болѣе въ этихъ воспоминаніяхъ къ департаментскому дѣлопроизводству, я скажу здѣсь въ главныхъ чертахъ все, что мною сдѣлано въ бытность мою директоромъ.

Я уже сказалъ, что въ департаментѣ не было самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о главныхъ предметахъ его вѣдомства. Не находя въ законѣ указанія на цѣль учрежденія департамента, я долженъ былъ искать его въ теоріи. Такимъ образомъ мнѣ было ясно, что для того, чтобы сколько-нибудь имѣть возможности наблюдать за дѣйствіями полиціи въ Имперіи, чтобы имѣть хотя слабое вліяніе на ея дѣятельность, на охраненіе внѣшняго порядка въ городахъ и селеніяхъ и на обезпеченіе внутренняго спокойствія, нужно прежде всего знать силу, которою располагаешь и отношеніе этой силы къ предмету, на который призвана она дѣйствовать. И я занялся собираніемъ нужныхъ для того свѣдѣній. Я оставилъ моему пріемнику не только свѣдѣнія о наличномъ числѣ и составѣ полицій, но и объ отношеніи ихъ къ территоріи и народонаселенію, по колику полученныя мною свѣдѣнія это позволили. Я собралъ самыя подробнѣйшія и вѣрнѣйшія свѣдѣнія, какъ о количествѣ мѣстъ заключенія, такъ и о ихъ помѣстительности, состояніи, средствахъ содержанія и способахъ ремонта. Если я не успѣлъ (такъ какъ всѣ затребованныя мною свѣдѣнія не

были еще вполне получены въ департаментѣ до выхода моего въ отставку) изъ этихъ источниковъ сдѣлать руководство, то ничто теперь не мѣшаетъ нынѣшнему директору прямо приступить къ этому труду, ибо источники и самый планъ готовы.

Занятія департамента въ мое время были значительно усилены передачею въ него дѣлъ, дотошъ не принадлежавшихъ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ въ него переданы изъ министерства государственныхъ имуществъ дѣла объ Оренбургскихъ Киргизахъ. Нисколько незнакомый съ краемъ, знавшій о Киргизахъ только по книгѣ Левшина, я былъ очень затрудненъ этими дѣлами. Напротивъ, начальникъ того отдѣленія, куда онѣ поступили, принялъ ихъ весьма равнодушно и на мои тревожные сомнѣнія отвѣчалъ спокойно, что дѣла пойдутъ такъ же, какъ шли въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Но я не могъ смотрѣть такъ спокойно на предстоящее мнѣ дѣло. Я не могъ безъ всякой прежде взятой мысли, безъ всякой программы, приняться за управленіе краемъ съ болѣе 17 тыс. миль пространствомъ и съ населеніемъ около одного милліона душъ. Поэтому, по порученію моему составлена г. Вигелемъ (этотъ замѣчательный трудъ, равно достойный вниманія какъ администратора, такъ и ученаго, какъ я слышалъ, пропалъ безъ послѣдствій, и самъ авторъ долженъ былъ выйти въ отставку) историческая монографія объ администраціи Киргизовъ. Такимъ образомъ я познакомился съ идеей, которая руководила правительствомъ по этому предмету. Дѣйствительно, пока Киргизы были въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, управленіе ими было разумное: это министерство стремилось поселить въ нихъ убѣжденіе, что принадлежать Россіи для нихъ выгоднѣе, чѣмъ тянуть къ Бухарѣ или Хивѣ. Съ той же поры, когда этотъ народъ поступилъ въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, всякая мысль изсякла изъ управленія, и дѣла Киргизовъ подчинились той мертвящей рутинѣ, которою отличается дѣлопроизводство нашихъ департаментовъ вообще.

Я хотѣлъ возстановить разумное направленіе въ управленіи Киргизами, хотѣлъ, предоставляя мѣстному начальству полную свободу дѣйствій въ разрѣшенія мѣстныхъ интересовъ, оставить за министерствомъ обязанность вести этотъ народъ къ цѣли, которую бы оно сознательно избрало. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ логическомъ безпорядкѣ, какой былъ употребляемъ съ Киргизами мѣстными генералъ-губернаторами, достаточно напимѣръ сказать, что графъ В. А. Перовскій находилъ вреднымъ допускать ихъ до осѣдлости, а настоящій генералъ-губернаторъ Безакъ призналъ удобнымъ ввести между ними положеніе о крестьянахъ 19-го Февраля 1861 года! Генералъ-

губернаторъ Западной Сибири, Гасфортъ распространялъ между Сибирскими Киргизами магометанство, «какъ переходную религію къ христіанству»! Вообще должно со стыдомъ и прискорбіемъ сознаться, что мы не умѣемъ вести ввѣренныя намъ племена къ ихъ естественной цѣли, къ развитію гражданственности. Такъ напримѣръ мы не позаботились о распространеніи христіанства между Киргизами и допустили мусульманскую проповѣдь свободно утвердить между ними исламизмъ: Киргизы сдѣлались магометанами подъ Русскимъ скипетромъ; но и теперь еще между ними и Башкирами остается болѣе 60-ти тысячъ идолопоклонниковъ.

Составленная г. Вигелемъ монографія довольно близко знакомила департаментъ съ управленіемъ этого края; я снабдилъ ее нужными картами и между прочимъ замѣчательною картою Ханыкова. Она погибла во время бывшаго въ зданіи министерства пожара. Съ помощію этихъ средствъ я составилъ подробную программу для управленія Киргизами. Главною задачею я постановилъ: а) введеніе между ними осѣдлости, какъ средства къ гражданственности; б) усиленіе и лучшій надзоръ за существующими уже училищами; в) согласованіе разнообразныхъ воззрѣній на этотъ народъ какъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ, такъ и въ Сибири посредствомъ единожды опредѣленной и твердо охраняемой системы; г) постоянное направленіе къ этимъ цѣлямъ мѣстныхъ генераль-губернаторовъ, въ отвращеніе столь часто и столь разнорѣчиво предпринимаемыхъ каждымъ изъ нихъ *опытовъ* надъ этимъ несчастнымъ народомъ. Словомъ, мнѣ хотѣлось поставить главныхъ начальниковъ края въ извѣстность, чего хочетъ правительство, чего требуетъ отъ нихъ государство. Моя программа была вполнѣ одобрена министромъ. Но хотя она и указывала общій путь центрального управленія, со всѣмъ тѣмъ затрудненія, истекающія изъ отсутствія живаго познанія края и народа, не уменьшались. Поэтому я старался привлечь къ этому не только способныхъ и образованныхъ дѣятелей, но и близко знакомыхъ съ краемъ, съ обычаями и нравами его жителей. При содѣйствіи Самарскаго губернатора Арцымовича, бывшаго нѣсколько лѣтъ правителемъ канцеляріи Оренбургскаго генераль-губернатора, я пригласилъ и опредѣлилъ управляющимъ Киргизскими дѣлами чиновника Ситникова, который съ университетскимъ образованіемъ соединяетъ практическое знаніе дѣла, бывши нѣсколько лѣтъ начальникомъ Киргизскаго отдѣленія въ канцеляріи генераль-губернатора. Такимъ образомъ мною дано было прочное и правильное основаніе этой части департаментской дѣятельности.

Мнѣ тѣмъ пріятнѣе были всѣ эти заботы, что онѣ находили сочувствіе въ министрѣ, который продолжалъ быть ко мнѣ неисто-

щимо милостивъ. Онъ удостоивалъ меня полнаго довѣрія и нерѣдко со-общалъ мнѣ свои сокровенныя мысли. Такъ, въ концѣ 1861 г., онъ далъ мнѣ для прочтенія собственноручную свою всеподданѣйшую записку о современномъ положеніи нашего духовенства, удостоенную многими отмѣтками Государя. Взгляды Валуева на церковь, положенные въ этомъ трудѣ, не могутъ выдержать строгой критики; въ нихъ замѣтно отсутствіе близкаго знакомства не только съ каноническимъ правомъ, но и съ исторіей и главнѣйшими основаніями Русской церкви. Совсѣмъ тѣмъ, отдавая полную справедливость доброму и святому стремленію Валуева, я возвратилъ ему записку безъ всякихъ замѣчаній и съ полнымъ и искреннимъ сочувствіемъ къ цѣли. Эта записка дала поводъ къ учрежденію впослѣдствіи особаго присутствія по дѣламъ духовенства, въ которомъ Валуевъ предложилъ мнѣ мѣсто управляющаго дѣлами. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что надѣялся на самомъ дѣлѣ исправить нѣкоторые промахи или ошибочныя воззрѣнія на дѣло, вошедшіе въ записку Валуева, которая должна была служить основаніемъ всему дѣлу. Съ этою цѣлю я составилъ планъ историческаго труда, въ которомъ желалъ развить всю исторію церковной администраціи въ нашемъ отечествѣ. Я показалъ въ немъ, какъ упало значеніе духовенства по мѣрѣ усиленія у насъ Европейской цивилизаціи, какъ правительство (при Аннѣ) довело уничтоженіе духовенства даже до тѣлеснаго наказанія архіереевъ безъ всякаго надъ ними суда, какъ положеніе клира день ото дня становилось хуже, какъ, наконецъ, безвозмездный отъемъ церковныхъ имѣній окончательно лишилъ его всякихъ матеріальныхъ средствъ. Я показалъ также всю затруднительность положенія духовенства, поставленнаго между нашими образованными классами и народомъ, которыхъ требованія столь діаметрально противоположны, и на удовлетвореніе которыхъ и тѣ и другой имѣютъ неотъемлемое право. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ оказалось ясно, что та замкнутость клира; дѣлающая изъ него касту, въ которой его обвиняютъ, была неотразимымъ слѣдствіемъ его безпомощнаго положенія. Униженное и правственно и граждански, съ трудомъ находящее себѣ пропитаніе, кѣмъ могло пополняться наше духовенство, кромѣ собственнаго потомства? Кто согласился бы посвятить своего сына на служеніе церкви, когда положеніе священноцерковнослужителя не только не заключало въ себѣ ничего привлекательнаго, но подвергало его всякаго рода лишеніямъ?

Мнѣ хотѣлось, чтобы трудъ, составленный по моей программѣ, могъ служить содержаніемъ перваго доклада присутствію, которое въ то время было только задумано и безъ сомнѣнія не могло открыться прежде года. Тогда главные вопросы выразились бы сами собою, и

исторія пришла бы на помощь настоящему. Времени по моему расчету было довольно, тѣмъ болѣе, что я указаль въ программѣ всѣ источники, которые должны были много облегчить трудящагося. Однакоже понятно, что я, при управленіи департаментомъ и при другихъ моихъ занятіяхъ, о которыхъ упомяну еще, не могъ принять на себя этого труда, и рекомендовалъ для него П. И. Мельникова, который не былъ занятъ ничѣмъ по министерству и соединялъ въ себѣ всѣ условія къ прекрасному исполненію моей мысли. Министръ на это согласился и передалъ ему мою записку.

Независимо отъ сего, я, по совѣщанію съ духовными лицами и по соображенію и съ практически извѣстнымъ мнѣ положеніемъ духовенства, особенно сельскаго, составилъ предварительно около 100 вопросовъ, которые намѣревался въ свое время предложить присутствію, а также занялся приготовленіемъ синоптическихъ таблицъ, въ которыхъ наглядно должны были высказаться противорѣчія церковнаго права съ гражданскимъ, и тѣ преимущества и права, которыми пользуется наше духовенство сравнительно съ духовенствомъ иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Къ этимъ таблицамъ я присоединилъ и тѣ ограниченія въ общихъ правахъ, которымъ подчинено православное духовенство. Хотя время учрежденія задуманнаго присутствія еще было очень отдаленно, однако министру угодно было приказать мнѣ составить проектъ Высочайшаго повелѣнія объ его открытіи. Я воспользовался этимъ, чтобы включить въ него извѣстныя условія о ненарушимости каноновъ св. Апостолъ, соборовъ и св. отецъ. Этотъ проектъ былъ одобренъ министромъ и остался въ его кабинетѣ. Въ немъ мнѣ предоставлялось званіе управляющаго дѣлами присутствія.

Я забылъ сказать прежде, что первый возложенный на меня трудъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ столицу и еще до вступленія въ управленіе департаментомъ, былъ пересмотръ проекта новаго полицейскаго устава. Этотъ проектъ принадлежалъ къ числу тѣхъ коренныхъ преобразованій, которыя придуманы тѣмъ чиновническимъ правительствомъ, о которомъ я говорилъ выше, и которыя доселѣ разрабатываются въ С.-Петербургѣ, не смотря на измѣнившееся направленіе въ Россіи. Онъ начертанъ особой комиссіей, въ большинствѣ составленной изъ «передовыхъ людей», подъ предсѣдательствомъ Милютина. Мысль, лежавшая въ его основаніи, могла бы быть выражена словами: «огражденіе общества отъ полиціи и полиціи отъ губернатора». Сколь анархично это основаніе, столь же непрактично, чтобы не сказать нелѣпо, было его развитіе. Отсутствіе всякаго знанія практической жизни и потребностей народа и всецѣлая подражательность иноземнымъ, особенно

Французскимъ, учрежденіямъ были очевидны въ каждомъ параграфѣ. Чтобы яснѣе выказать всю неосновательность проекта, приведу въ образецъ штаты: въ Астрахань, напр., назначалось 18 полицейскихъ чиновниковъ, а въ Вильну 9; въ разрядахъ, на которые предполагалось раздѣлить уѣздные города, Скопинъ былъ отнесенъ къ первому, а Коломна или Брестъ-Литовскъ ко второму. Я и доселѣ не понимаю, чѣмъ руководствовались тутъ эти «передовые люди»!

Проектъ этотъ уже былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, но при назначеніи Валуева министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю было угодно приказать возвратить этотъ уставъ для соображеній новаго министра.

Мнѣ приказано было: а) разсмотрѣть проектъ и представить на него мои замѣчанія, сколь возможно скорѣе и отнюдь не далѣе трехъ недѣль; и б) замѣчаній дѣлать по возможности менѣе, чтобы не дать повода Государственному Совѣту возвратить весь проектъ въ министерство для новой редакціи. Въ помощь для этого труда мнѣ дали П. Тр. Китицына, который своими практическими свѣдѣніями и знаніемъ губернскаго дѣлопроизводства дѣйствительно былъ чрезвычайно полезенъ.

Представляя наши замѣчанія, я оговорился, что они относятся только къ тому, что помѣщено въ проектъ и молчатъ о томъ, чего тамъ нѣтъ и что должно было бы быть въ немъ непременно; а такихъ пропусковъ было немало. При этомъ я заявилъ, что составленные коммиссіею штаты ни въ какомъ случаѣ не должны подлежать окончательному утвержденію, такъ какъ, во первыхъ, неудобно было министерству принимать на себя отвѣтственность въ непогрѣшимомъ распредѣленіи суммъ по каждой полиціи отдѣльно, и напротивъ цѣлесообразнѣе предоставить это мѣстному губернатору, отпустивъ ему всю сумму, причитающуюся на губернію; во вторыхъ, равно было бы опрометчиво, если бы министерство, согласно представленному коммиссіею проекту, приняло на себя распредѣленіе всѣхъ вообще чиновниковъ въ каждую полицію и такое распредѣленіе подвергнуло утвержденію въ законодательномъ порядкѣ, и, наконецъ, въ третьихъ, штаты коммиссіи составлены такъ поверхностно, распредѣленія сдѣланы такъ опрометчиво, что не заслуживали никакого довѣрія со стороны людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ Россіей. Въ заключеніе, присовокупивъ, что я уже не ручаюсь, всѣ ли городскія и земскія полиціи вошли въ эти штаты, я полагалъ испросить только утвержденіе Государственнаго Совѣта на отпускъ суммы, предполагаемой на усиленіе полиціи, во всемъ ея размѣрѣ и, составивъ на основаніи

болѣе серьезныхъ данныхъ нормальные штаты, предоставить окончательное ихъ распредѣленіе начальникамъ губерній.

Между тѣмъ довѣріе и расположеніе министра ко мнѣ нисколько не уменьшались. Вступивъ вновь на службу съ твердымъ намѣреніемъ помогать Валуеву по мѣрѣ силъ моихъ, я, съ его дозволенія, не ограничивался предметами только моего вѣдомства. Все по моему мнѣнію, что касалось пользы правительства, я сообщалъ министру или при личныхъ свиданіяхъ, или краткими замѣчаніями, писанными большею частію карандашемъ и не имѣвшими ни малѣйшаго характера officialности. Такимъ образомъ между нами установилась небольшая, конфиденціальная переписка, у меня сохранившаяся и могущая служить объяснительными документами настоящихъ воспоминаній *).

Къ числу главнѣйшихъ неудовольствій помѣщиковъ противъ правительства относилось запрещеніе барщиннымъ крестьянамъ выкупать съ пособіемъ отъ правительства землю, отведенную имъ въ пользованіе. Это запрещеніе истекало изъ того соображенія редакціонныхъ комиссій, что первый выкупъ земли безъ спеціальной ея оцѣнки и съ пособіемъ отъ правительства въ оброчныхъ имѣніяхъ носить, такъ сказать, гарантію въ вѣрности погашенія ссуды въ томъ обстоятельствѣ, что если крестьяне отбывали оброкъ помѣщику въ установленной закономъ нормѣ, то нѣтъ причины къ опасенію, чтобы они не были исправны къ правительству при взносѣ погашенія въ уменьшенномъ противъ оброка размѣрѣ, и второе, что положеніе оброчныхъ крестьянъ несравненно лучше барщинскихъ: то слѣдовало ожидать, что эти послѣдніе поспѣшатъ перейти на оброкъ, и такимъ образомъ съ одной стороны пріобрѣтутъ средства скорѣе сдѣлаться собственниками, а съ другой предоставятъ своимъ помѣщикамъ возможность воспользоваться тѣми суммами, какія правительство выдаетъ въ пособіе при выкупѣ и которыя такъ необходимы при первоначальномъ устройствѣ новаго хозяйства помѣщиковъ.

Нельзя не согласиться, что эти соображенія редакціонныхъ комиссій были вполнѣ логичны; но на дѣлѣ, какъ извѣстно, они не оправдались: крестьяне отказались отъ всякихъ сдѣлокъ съ помѣщиками и остались на барщинѣ въ ожиданіи *новой воли*, отправляя при томъ барщину совершенно небрежно, въ явное разореніе помѣщиковъ.

Я подалъ по этому случаю особую записку министру, въ которой подробно доказывалъ необходимость права выкупа на всѣ вообще имѣнія. Валуевъ раздѣлилъ мои воззрѣнія и приступилъ къ разра-

*) Переписка эта находится между бумагами покойнаго графа Д. Н. Толстаго.

боткѣ этой мысли по собственнымъ соображеніямъ. Въ приведеніи въ исполненіе этого предположенія Валуевъ встрѣтилъ огромныя препятствія «видимыя и невидимыя» для него. Послѣднія были важнѣе; они истекали изъ той чиновничьей партіи, о которой я уже сказалъ свое мнѣніе и во главѣ которой въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ стоялъ Соловьевъ, а ему приходилось приводить въ исполненіе эту мысль Валуева. Дѣло очевидно клонилось къ умиротворенію двухъ сословій, къ развязкѣ крестьянскихъ и помѣщичьихъ столкновеній и, по моему, не могло быть по вкусу этой партіи, которая именно въ этой борьбѣ находила союзника для своихъ видовъ. Партія эта во всѣхъ вѣдомствахъ и министерствахъ возстала противъ Валуева, какъ одинъ человекъ, и направила къ тому своихъ начальниковъ. Такимъ образомъ Валуевъ въ видимыхъ акколитахъ своихъ встрѣтилъ невидимыхъ противниковъ, а въ числѣ ихъ Соловьева, который въ кабинетѣ министра казался усерднымъ исполнителемъ его предположеній.

Валуевъ, какъ извѣстно, выигралъ дѣло; но оно вслѣдствіе всѣхъ этихъ препятствій замедлилось крайне долго, и потому не отвратило тѣхъ демонстрацій противъ правительства, которыя спѣшили одна за другою выражаться въ губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ, начиная съ Петербургскаго, и которыя министръ естественно не могъ отклонить. Будь принята правительствомъ мѣра до зимы, ни одно дворянское собраніе не выразилось бы такъ враждебно, какъ теперь. Такъ справедлива старинная пословица: *gouverner—c'est prévoir* *). Какъ бы то ни было, однакоже Валуевъ въ этомъ дѣлѣ оказалъ много твердой воли, умѣнья, желанія добра, доходившаго до гражданской доблести, и исторія администраціи должна будетъ отдать ему полную справедливость. Что касается до меня, я торжествовалъ. Никому въ свѣтѣ не говорилъ я, что первоначальная мысль принадлежала мнѣ; я торжествовалъ за Валуева, котораго любилъ и добрая слава котораго была такъ близка моему сердцу. Дѣйствительно, общественное мнѣніе, сильно поколебавшееся вслѣдствіе какъ разныхъ неурядицъ, такъ и интригъ чиновничьей партіи, внезапно перемѣнилось въ пользу Валуева. Отдавали справедливость его гражданскому мужеству, признавали его способности и не сомнѣвались въ его искреннемъ стремленіи къ общему благу; повторяю: я торжествовалъ.

Между тѣмъ, еще во время уличныхъ безпорядковъ, производимыхъ студентами, когда оберъ-полицмейстеръ, ген.-губернаторъ и въ особенности министръ народнаго просвѣщенія теряли головы, Валуевъ

*) Править значитъ предвидѣть.

оказывалъ не только много дѣятельности, но и умной и проницательной энергіи. Должно сожалѣть, что все это происходило въ отсутствіи Государя, и Валуевъ встрѣтилъ тогда много препятствій, которыя при Царѣ, безъ сомнѣнія, не были бы на столько стойки. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда графъ Путятинъ, честный и добродушный морякъ, проникнутый глубоко религіею, но мало знакомый какъ съ устройствомъ, администраціей и духомъ нашихъ учебныхъ заведеній, такъ еще менѣе съ придворною интригою. Безспорно, что онъ былъ не на своемъ мѣстѣ; но онъ искренно желалъ блага Россіи и преуспѣянія, здраваго просвѣщенія народу. Главное затрудненіе въ положеніи министра народнаго просвѣщенія у насъ всегда было то, что вся цензура была ему подчинена. Преслѣдованіе съ его стороны всякаго нарушенія цензурныхъ правилъ возбудило противъ него неудовольствіе ученаго сословія, которое безпощадно клеймило его именемъ «гасильника». Сознавая неловкость такого положенія, графъ Путятинъ обратился къ Валуеву и просилъ помочь ему. Было рѣшено, что цензура раздѣлится на двѣ части—предупредительную и карательную. Первая по прежнему будетъ находиться въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія, а послѣдняя перейдетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Съ возвращеніемъ Государя въ столицу графъ Путятинъ былъ смѣненъ и на мѣсто его назначенъ Головинъ. Дѣло о цензурѣ приняло дѣятельный ходъ, и высказанная выше мысль была скоро приведена въ исполненіе. Карательная половина цензуры поступила въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Не мѣсто здѣсь распространяться, въ какой мѣрѣ самая основная мысль этой двойственной цензуры была непрактична; опытъ доказалъ уже ея несостоятельность. Скажу только, что согласіе на это министра внутреннихъ дѣлъ изумило общественное мнѣніе столицы. Никто не понималъ, какъ могъ не видѣть Валуевъ, что, принимая на себя эту обузу, онъ становится въ самомъ дѣлѣ главнымъ охранителемъ интересовъ Головина.... Но Валуевъ зналъ, что дѣлалъ; послѣдствія оправдали его. Въ эту минуту я отдавалъ почтительную дань его поступку: онъ не хотѣлъ измѣнить слову, которое далъ графу Путятину. Немногіе повѣрятъ искренности этого убѣжденія; но я, который знаю Валуева давно, я увѣренъ, что онъ сдѣлалъ это, по крайней мѣрѣ въ минуту перваго впечатлѣнія, по чувству рыцарской чести.

Когда эта новая отрасль поступила въ министерство, Валуевъ предложилъ мнѣ принять всю эту обузу въ мое личное завѣдываніе. Больно мнѣ этого не хотѣлось, и я долго, долго отказывался. Я видѣлъ, въпервыхъ, всю несостоятельность мысли этого учрежденія, а

во вторыхъ, ту непрерывную заботу, которую она мнѣ навязываетъ въ ущербъ главнымъ моимъ занятіямъ. Министръ настаивалъ съ тою доброю ко мнѣ любезностію, которая характеризовала всѣ его ко мнѣ отношенія. Я видѣлъ, какъ самъ онъ сознательно принялъ на себя главное участіе въ опасной отвѣтственности за книгопечатаніе; я вспомнилъ, что главнымъ побужденіемъ моего вступленія въ службу было желаніе помогать Валуеву, сколько могу, и рѣшился принять. Такимъ образомъ занятія и труды мои усилились въ огромномъ размѣрѣ.

Почти въ это же время замѣщена была вакансія товарища министра, остававшаяся праздною со времени удаленія Милютина. Назначенъ тайный совѣтникъ Тройницкій. Такое назначеніе удивило всѣхъ, какъ въ городѣ, такъ и въ министерствѣ. Не менѣе другихъ былъ изумленъ самъ Тройницкій, который не скоро могъ убѣдиться въ дѣйствительности своего назначенія. Въ самомъ дѣлѣ, г. Тройницкій не имѣлъ никакого права и никакихъ заслугъ въ министерствѣ, въ которомъ онъ находился не болѣе шести лѣтъ. Прежняя его служба преподавателя какого-то предмета въ Одесскомъ лицейѣ конечно не могла сообщить ему ни знанія дѣла, ни опытности въ государственной администраціи; а занятія его, какъ редактора Одесскихъ газетъ, не могли служить ручательствомъ въ его политическихъ способностяхъ. Ученая репутація его была еще болѣе проблематической и основывалась на изданіи двухъ-трехъ статистическихъ сборниковъ, которые не выходили бы изъ разряда компиляцій, еслибъ не заключали въ себѣ насильственныхъ выводовъ....

Мнѣ было больно это назначеніе, потому что въ городѣ осуждали Валуева и приписывали этотъ выборъ опасенію, которое будто бы онъ имѣлъ, чтобъ это мѣсто не занялъ графъ Шуваловъ (Петръ Андреевичъ), который могъ бы стремиться самъ въ министры. Я защищалъ Валуева всегда и вездѣ, и дѣлалъ это тѣмъ съ большею искренностію, что сохраняю и донынѣ убѣжденіе, что такого разсчета у него не было. Валуевъ доказалъ, особенно въ моихъ глазахъ, какъ мало дорожилъ онъ интересами личнаго честолюбія въ виду пользы отечества. Самому себѣ я объяснялъ это назначеніе услужливостію Тройницкаго...

Когда чины министерства представлялись новому товарищу министра, я первый поѣхалъ къ нему въ полной парадной формѣ, желая тѣмъ доказать, какъ я уважаю всякой выборъ министра. Но если я былъ способенъ на это заявленіе, то это потому, что оно было моментально; тамъ, гдѣ потребовалось послѣдовательное поведеніе въ томъ же духѣ, натуры моей не хватило. Тройницкій, какъ всякой *rag-vonni* *), скоро ослѣпился своимъ неожиданнымъ возвышеніемъ и надулся

чрезвычайно. Онъ даже въ понятіяхъ своихъ смѣшалъ свое іерархическое положеніе съ общественнымъ и, кажется, сталъ считать себя аристократомъ. Въ моихъ глазахъ онъ сдѣлался смѣшонъ до крайности, и я не скрывалъ этого. Я не уважалъ его....

Между тѣмъ личныя дѣла мои призывали меня въ Дрезденъ. Съ нѣкотораго времени, благодаря союзу чиновничьей партіи, служащіе ѣздятъ за границу на казенный счетъ. Это обыкновенно дѣлается въ видѣ командировокъ для собранія такихъ свѣдѣній, какія легко можно приобрести у Исакова за два-три рубля. Я всегда чувствовалъ глубокое отвращеніе къ этому ёрничеству и потому не употребилъ этого способа, и, несмотря на скудость моихъ собственныхъ средствъ, отпросился въ 28 дневной отпускъ, на свой счетъ.

По желанію министра, я писалъ къ нему почти съ cadaго этапа. Я сообщилъ ему мои замѣчанія объ опасности, какую я находилъ въ томъ, что, начиная отъ Вильны, всѣ члены инженернаго и телеграфнаго вѣдомства, а также служащіе на желѣзной дорогѣ—Поляки. Я писалъ также о вредѣ, который неминуемо долженъ истекать изъ того, что всѣ станціи на томъ же пространствѣ имѣютъ надписи на одномъ Польскомъ языкѣ, даже безъ Русскаго перевода, и приводилъ въ примѣръ Пруссію и Австрію, гдѣ всѣ эти надписи сдѣланы понѣмѣцки, даже съ умышленнымъ искаженіемъ Польскихъ именований. Мнѣ казалось, что употребленіе исключительно Польскаго языка у насъ—поддерживало въ жителяхъ идею Польской самостоятельности и даже господство Польской народности надъ Русскою, по крайней мѣрѣ въ этомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что надписи эти не могли быть сдѣланы безъ воли правительства, которое какъ бы освящало своимъ авторитетомъ тѣ вредныя убѣжденія, о какихъ я упомянулъ. Я не знаю, призналъ ли министръ эти свѣдѣнія пригодными, но и теперь убѣжденъ въ вѣрности и нѣкоторой ясности моего взгляда на это дѣло, тѣмъ болѣе, что все это было въ Маѣ 1862 года.

Въ назначенный срокъ я возвратился и нашелъ въ развалинахъ домъ нашего министерства и большое число улицъ города вмѣстѣ съ двумя главными его рынками: Щукинымъ и Апраксинымъ дворами. Это было слѣдствіемъ поджоговъ. Въ этихъ случаяхъ Государь выказалъ всю чувствительность своего благороднаго сердца, всю доброту своей чистой души. Онъ принялъ самое горячее участіе въ общественномъ бѣдствіи: самъ присутствовалъ на всѣхъ пожарахъ, открылъ обильный

*) Высочка.

источникъ пособія погорѣвшимъ, и не разъ на глазахъ его видѣли слезу искренняго участія.

Дѣло было ясно. Подпольные дѣятели, не смотря на всю безнаказанность своихъ преступныхъ изданій, не смотря на то, что прокламаціи ихъ являлись все болѣе и болѣе дерзкими, не произвели въ сущности никакого серьезнаго впечатлѣнія на народъ. Одно только правительство дѣйствовало нерѣшительно и, такъ сказать, исподтишка, употребляя по большей части для сего III-е Отдѣленіе, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ предавая заподозрѣнныхъ суду. Такой образъ дѣйствія съ одной стороны придавалъ болѣе дерзости, а съ другой—должно признаться, распространялъ и въ здоровой части общества убѣжденіе, котораго не скрывали, что правительство не только слабо, но и недальновидно. Такое убѣжденіе, разумѣется, было какъ нельзя болѣе съ руки злоумышленникамъ. Не успѣвъ ничего сдѣлать своими прокламаціями, они рѣшились на поджоги, чтобы доказать всю неспособность правительства, которое не умѣетъ охранять жителей даже отъ матеріальной опасности.

Я сообщалъ это воззрѣніе министру, присовокупивъ, что массы уважаютъ только силу, что если сочувствіе Государя къ несчастнымъ исполнѣ высоко и свято, то этого еще недостаточно для успокоенія столицы: нужно, чтобы жители видѣли, что имъ не только сострадаютъ, но заботятся объ нихъ и охраняютъ, и притомъ имѣютъ для того и средства, и силу. Я предложилъ учредить по улицамъ разъѣзды вооруженной силы, чтобы одновременно импонировать и злоумышленникамъ, и народу, ободряя послѣдній и устрашая первыхъ.

Мнѣ пріятно вспомнить, какъ ясно смотрѣлъ на это дѣло Валуевъ. Онъ не только согласился со мною, но созналъ, что правительство должно воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы возстановить свой авторитетъ, столь сильно поколебленный въ послѣднее время. Онъ угадалъ то противоположное видамъ злоумышленниковъ впечатлѣніе, которое пожары должны были произвести на общественное мнѣніе. Валуевъ воспользовался этимъ событіемъ, чтобы усилить полицію столицы людьми гвардейскаго корпуса и исходатайствовалъ себѣ открытіе кредита въ 300 тыс. рубл. для этой цѣли. Въ то же время онъ принялъ дѣятельное участіе какъ въ преслѣдованіи злоумышленниковъ, такъ и въ пресѣченіи имъ способовъ къ ихъ преступной дѣятельности. Если мѣры принятыя для сего были неуспѣшны, въ этомъ виноватъ не министръ внутреннихъ дѣлъ, который не былъ главнымъ распорядителемъ въ этомъ дѣлѣ.

Отношенія мои съ Валуевымъ повидимому были столь же хороши, какъ и прежде. По крайней мѣрѣ я, не смотря на то, что былъ буквально заваленъ работой, продолжалъ попрежнему сообщать ему все, что по моему мнѣнію казалось полезнымъ для него, и представленія мои, если и не всегда были осуществляемы, то принимались благодушно.

Въ Іюлѣ или Августѣ этого года министръ вздумалъ съѣздить въ Дуббельнъ. Въ отсутствіе его товарищъ долженъ былъ стать во главу министерства. Валуевъ зналъ мои къ нему отношенія и съ тою добротою, которой я никогда не забуду и которая только ему одному свойственна, изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы я сблизился съ Тройницкимъ. Мнѣ этого не хотѣлось; но я не знаю, чего бы въ то время не сдѣлалъ для Валуева, и я согласился. Я исполнилъ это и по возвращеніи Валуева былъ до глубины души тронутъ выраженіемъ его дружбы, оцѣнившей мой поступокъ.

Здѣсь я долженъ вспомнить о самомъ пустомъ въ самомъ себѣ случаѣ, имѣвшемъ однакожъ весьма важное и благопріятное для меня послѣдствіе. Прощаясь съ министромъ при его отъѣздѣ, я взялъ лежавшій у него на столѣ «списокъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ гражданской службы». Онъ посмѣялся надъ этимъ, говоря, что не знаетъ, какое употребленіе сдѣлаю я изъ этихъ томиковъ. Ложась спать, я, за сигарою, пробѣгалъ этотъ списокъ и не могъ не замѣтить, что большинство Петербургскихъ чиновъ получили или аренды или земли, между тѣмъ почти всѣ они были много моложе меня и службою и лѣтами. Употребивъ болѣе 30 лѣтъ на службу, во всѣхъ отношеніяхъ честную и добросовѣстную, и не пріобрѣтя никакого обезпеченія на старости, кромѣ права на пенсію въ 280 р., я ясно увидѣлъ, что дѣйствовалъ крайне безразсудно и что, какъ я тогда выразился, былъ совершеннымъ дуракомъ. Я написалъ объ этомъ Валуеву въ Дуббельнъ и получилъ отъ него доброе, дружеское письмо, въ которомъ онъ обѣщалъ исходатайствовать мнѣ землю при первой возможности.

Первое выраженіе начинавшейся холодности ко мнѣ министра было спустя нѣкоторое время по возвращеніи его изъ Дуббельна. Я пришелъ къ нему, когда онъ собирался куда-то ѣхать. На вопросъ: зачѣмъ? Я отвѣчалъ, что хотѣлъ сообщить ему нѣчто о комиссіи губернскихъ учрежденій, въ которой былъ членомъ. Валуевъ сказалъ, что готовъ слушать. Дѣло было не въ кабинетѣ, а въ передней, гдѣ находился правитель его канцеляріи Шидловскій. Мнѣ было больно,

что Валуевъ, который могъ бы отложить объясненіе со мною до другаго раза, хотѣлъ сдѣлать это при третьемъ лицѣ. Съ другой стороны, мысль, что если я попрошу другаго времени для моего доклада, то Шидловскій можетъ подумать, что я намѣренъ говорить о чемъ-нибудь такомъ, чего при немъ я сказать не смѣю, побудила высказать все, чтò составляло предметъ доклада. Валуевъ выслушалъ меня съ видимымъ нетерпѣніемъ и сказалъ: «Съ чего же вы взяли, что я этого не вижу и что я поступаю не такъ, какъ вы думаете?» Я отвѣчалъ, что мнѣ только это и нужно, и откланялся.

На другой день я написалъ Валуеву, что я вступилъ въ службу съ цѣлю ему помогать, что если голосъ правды ему докучливъ, то онъ можетъ меня выгнать изъ министерства, но молчать не заставитъ, ибо это обезсмыслило бы всю мою дѣятельность. Въ отвѣтъ я получилъ самую добрую записочку, въ которой онъ писалъ мнѣ между прочимъ: «Сохрани Богъ, чтобы голосъ вашъ умолкъ; но согласитесь, что нужно же и мнѣ хотя когда-нибудь слышать голосъ одобренія».

Теперь мнѣ было ясно, что я наскучилъ Валуеву тѣми откровенными замѣчаніями, которыя я позволялъ себѣ для пользы дѣла и чести министра. Я долженъ сознаться, что, не смотря на мои лѣта, я и доселѣ сохранилъ свѣжесть моихъ привязанностей, а къ Валуеву я былъ привязанъ искренно и горячо. Я рѣшился щадить его самолюбіе, но продолжать прежній образъ поведенія неуклонно.

Признаюсь, не смотря на интриги, я не повѣрилъ серьезной перемѣнѣ къ себѣ Валуева; мнѣ ручался въ этомъ его умъ. Я думалъ: не можетъ же не видѣть онъ, что у меня станетъ на столько ума, чтобы расчесть, что противоположный образъ поведенія былъ бы несравненно выгоднѣе для личныхъ моихъ интересовъ, и что если я этого не дѣлаю, то ясно, что предпочитаю общественные интересы моимъ. Итакъ я продолжалъ относиться къ министру попрежнему, и онъ повидимому не лишалъ меня своего довѣрія. Я попрежнему занимался по предметамъ, имъ лично мнѣ поручаемымъ и не входившимъ въ составъ дѣла департамента, чтò отнимало у меня немало времени и на что я нисколько не жаловался, желая постоянно быть полезнымъ Валуеву.

8-го Сентября 1862 года назначено въ Новгородъ открытіе памятника тысячелѣтію Россіи. Валуевъ предложилъ мнѣ ѣхать туда. Холодность дворянства къ правительству еще продолжалась. Валуевъ опасался, что пріемъ Государя отъ дворянства будетъ несимпатиченъ; ему хотѣлось, напротивъ при каждомъ случаѣ стараться примирять сословія съ правительствомъ. Онъ поручилъ мнѣ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ и по возможности направить Новгородское общественное мнѣніе.

Новгородское дворянство, какъ извѣстно, приняло Государя съ восторгомъ, дало въ честь его великолѣпный балъ и поднесло адресъ, дышущій самыми вѣрноподданныческими чувствами. Нужно знать однакоже, что наканунѣ пріѣзда Государя это самое дворянство, собравшись въ залѣ благороднаго клуба, положило не подавать никакого адреса и не давать бала; но я не припишу себѣ послѣдовавшей переменѣ. Нѣтъ; она произошла во первыхъ, отъ того глубокаго чувства любви и преданности къ Монарху, которое, благодаря Бога, еще доселѣ твердо коренится въ душѣ всего Русскаго дворянства и вторыхъ, отъ той обаятельной симпатичности, которою обладаетъ Государь. О немъ можно сказать словами Цезаря: Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

Я не забуду самой первой встрѣчи Государя на пристани Волхова, куда долженъ былъ пристать пароходъ высокаго гостя. Длинная пристань, вдававшаяся съ берега въ рѣку до самаго фарватера, была обита краснымъ сукномъ. Правая сторона ея была занята шпалерою гвардіи, подъ командою Великаго Князя Николая Николаевича, съ которымъ была тутъ же и Великая Княгиня съ малолѣтнимъ сыномъ. Лѣвая сторона пристани покрывалась чиновниками и дворянствомъ съ своимъ губернскимъ предводителемъ во главѣ. Всѣ были въ мундирахъ. Дворяне, повидимому, были вѣрны одушевлявшему ихъ еще наканунѣ чувству; по крайней мѣрѣ, многіе сверхъ мундировъ были задрапированы фантастическими плащами и вмѣсто форменныхъ шляпъ имѣли на головахъ какія-то диковинныя шапки. Ихъ тѣлодвиженія, позы, словомъ все выражало людей недовольныхъ и какъ бы сознающихъ свою самостоятельность.... Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія показался, наконецъ, царскій пароходъ. Войско стало въ порядокъ; по массамъ народа, покрывавшимъ оба берега Волхова, стѣны Кремля и Софійскую «звонницу», пробѣжало, какъ электрическая искра, то движеніе, которымъ выражается напряженное вниманіе толпы. Я смотрѣлъ на дворянъ; мнѣ хотѣлось уловить то первое впечатлѣніе, которое произведетъ на нихъ присутствіе Государя. И что же? По мѣрѣ приближенія парохода, лица ихъ оживлялись; на нихъ выражалось не одно простое любопытство; нѣтъ, въ глазахъ виднѣлся любовь. Многіе, смотря на пароходъ, крестились, и крестились не изъ срусости; всѣми овладѣвало чувство любви, радости, восторга!

Такова вообще оппозиція нашего дворянства! Разстроенное крестьянскою реформою въ своемъ экономическомъ быту, оно находится въ болѣзненномъ положеніи и, пока не излѣчатся нанесенныя ему язвы, оно не можетъ не ощущать того тревожнаго неудовольствія, которымъ пользовались люди, желавшіе въ мутной водѣ ловить рыбу. Про-

никнутое этимъ болѣзненнымъ чувствомъ, оно собиралось на выборы въ губернскіе города. Тамъ это чувство возрастало по мѣрѣ сближенія дворянъ между собою, по мѣрѣ возможности передавать другъ другу свои жалобы, и этимъ пользовались агитаторы. Тѣ изъ сихъ послѣднихъ, которые хотя считались принадлежавшими къ мѣстному дворянству, но въ сущности состояли изъ бюрократовъ и литераторовъ, спѣшили изъ столицъ на выборы, раздражали тамъ массу и подсовывали готовые адреса, враждебные правительству, которые та подписывала не читая и безсознательно, съ единственною цѣлю выразить только свое неудовольствіе, истекавшее изъ затруднительности положенія каждаго. Забавнѣе всего, что каждый, подписавъ такой адресъ, возвращался домой, храня въ душѣ единственную надежду своего спасенія на правительство. Такова была и отчасти есть и доселѣ оппозиція Русскаго дворянства!...

Возвратясь въ Петербургъ, я не скрылъ отъ министра моего взгляда на это, и онъ раздѣлилъ его. Странно, и для меня необъяснимо понинѣ, почему Валуевъ, стремившійся искренно къ примиренію правительства съ дворянствомъ, не только терпѣлъ при себѣ Соловьева, но и подписывалъ такія распоряженія, которыя очевидно имѣли единственною цѣлю раздраженіе этого сословія. Быть можетъ, что, сознавая свои достоинства, которымъ я отдаю полную справедливость, Валуевъ думалъ, что онъ одинъ даетъ направленіе дѣлу, и Соловьевъ уже отрекся совершенно отъ своего личнаго направленія, подчиняясь несокрушимой волѣ министра? Но такое убѣжденіе было бы совершенно возможнымъ, еслибъ Валуевъ могъ заниматься исключительно земскимъ отдѣломъ; у министра однакожъ такъ много дѣла и такъ мало времени, что дотолѣ пока вся машина, или лучше система нашего государственнаго управленія не измѣнится, ни одинъ министръ не можетъ поручиться, что не сдѣлаетъ распоряженія диаметрально противоположнаго своимъ видамъ.

Вскорѣ дворъ сталъ собираться въ Москву, гдѣ Государю угодно было провести вмѣстѣ съ Императрицею часть зимняго сезона. Министръ предложилъ мнѣ ѣхать туда и стараться, сколько можно, разъяснить въ понятіяхъ тамошняго общества истинное положеніе дѣлъ и стремленій правительства.

Я нашелъ, что въ Москвѣ, какъ и вездѣ, общество раздѣлялось на три части: небольшое число людей серьезныхъ, которые, ясно смотря на дѣло и понимая его, довольствуются скромнымъ и умѣреннымъ выраженіемъ своего мнѣнія; нѣсколько больше число «запѣвалъ», изъ которыхъ одни раздражены неудачами по службѣ, другіе убытками и разстройствомъ въ хозяйствѣ, третьи, наконецъ, увлечены сло-

волюбіемъ; напоследокъ «хоръ» или толпа готовая повторять то, что слышитъ отъ коноводовъ, и въ настоящемъ случаѣ, какъ составленная изъ лицъ болѣе или менѣе страдающихъ экономическимъ разстройствомъ, повторявшая эти слова съ восторгомъ и остервененіемъ. Безстыдство коноводовъ простиралось до того, что они выдавали за совершившіяся распоряженія правительства такія мѣры, которыя или имѣлись въ С.-Петербургѣ въ виду, какъ предположенія, или были выдуманы на досугъ, и толпа имъ вѣрила!.... Впрочемъ одно достоверно: неудовольствіе въ Москвѣ было общее. Оно выражалось и между купечествомъ; оно слышалось въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ оттѣнковъ и школъ.

Старый Москвичъ, я имѣлъ тамъ множество знакомыхъ. Я старался бывать вездѣ: и въ клубахъ, и въ театрѣ, и въ частныхъ кружкахъ, и въ обществѣ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ. Имя Соловьева въ особенности между дворянами было ненавидимо, и на него указывали какъ на обвиненіе противъ правительства. Говорили, что держать его во главѣ крестьянскаго дѣла значило оказывать явное, открытое пренебреженіе къ общественному мнѣнію; что настоящее правительство болѣе ретроградно, чѣмъ какое-либо, потому что прежде общій голосъ принимался въ уваженіе. Вспоминали о Сперанскомъ, о Барклаѣ. Обо всемъ этомъ я писалъ Валуеву, который желалъ внимательно прислушиваться къ общественному мнѣнію, вѣрный своей идеѣ примиренія.

Изъ уваженія къ истинѣ я долженъ сказать, что голосъ мой въ Москвѣ не былъ вопіющимъ въ пустынь, не смотря на сильныхъ противниковъ, съ которыми пришлось мнѣ бороться. Въ этомъ много помогла мнѣ честность моего поведенія, поселившая нѣкоторую довѣренность къ моему слову.

Пребываніе Высочайшихъ особъ въ Москвѣ составило полное торжество правительства: всѣ, если не забыли своего болѣзненнаго положенія, то по крайней мѣрѣ были до того подъ обаяніемъ чарующей доброты Государя, что готовы были отдать за него свою жизнь.

Во все это время министръ по большей части жилъ въ Москвѣ, отъѣзжая по временамъ въ Петербургъ. Онъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, и производимое имъ въ Москвѣ впечатлѣніе было то же, какое производитъ онъ всегда и на всѣхъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло: онъ очаровывалъ любезностію, краснорѣчіемъ, добротою. Я былъ совершенно доволенъ моимъ положеніемъ, не смотря на значительные расходы, сопряженные съ жизнію въ Москвѣ, расходы, которые я долженъ былъ производить безвозвратно изъ моего кармана.

Вдругъ въ Москвѣ разнесся слухъ, что правительство намѣрено въ предстоявшій рекрутскій наборъ взыскать съ помѣщиковъ деньги, тѣ, которыя нѣкоторые изъ нихъ получили съ крестьянъ за освобожденіе отъ рекрутской повинности во время крѣпостнаго состоянія. Слухъ этотъ выдавался за достовѣрный; неудовольствіе дворянства снова начинало оживляться; вожаки подняли головы и упрекали Государя въ двоедушій и неискренности. Я поспѣшилъ къ министру, который въ это время готовился къ отъѣзду въ Петербургъ. Слухъ оказался основателенъ. Валуевъ находилъ эту мѣру нравственно-справедливою и высказывалъ всю гнусность продажи помѣщиками такихъ увольненій на счетъ личности другихъ крестьянъ, признавая это злоупотребленіемъ. Я согласился, что такое поведеніе помѣщиковъ было безнравственно и никогда не предоставлялось имъ по закону, но возражалъ однакоже, что эта торговля отнюдь не безобразнѣе другихъ отвратительныхъ поступковъ, совершившихся въ силу крѣпостнаго права, которые однакоже, какъ бывшію до изданія Положенія 19 Февраля 1861 г., по силѣ онаго преданы забвенію и вмѣняемы быть не могутъ; что самая эта торговля, какъ бывшая въ то еще время, нынѣ по закону преслѣдуема быть не можетъ; что распоряженіе о взысканіи денегъ этихъ не достигнетъ даже цѣли, потому что у помѣщиковъ денегъ нѣтъ; что, наконецъ, эта мѣра уничтожить весь результатъ пребыванія въ Москвѣ Государя и самого министра и снова возбудить то неудовольствіе, которое только что начинало слабѣть. Валуевъ оставался при первой мысли, но сдѣлалъ нѣкоторую уступку, предложивъ какое-то *mezzo termine*, и уѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Меня крайне огорчило это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что оно лишало мой голосъ не только всякаго авторитета въ обществѣ, но даже довѣрія. Я понималъ, откуда шель ударъ. Чиновничья Петербургская партія хотя и старалась увѣрить другихъ, что правительство сильно и могущественно, что вся физическая сила, состоявшая въ большинствѣ осчастливившихся дарованіемъ свободы крестьянъ на его сторонѣ, и что за симъ неудовольствіе дворянства безсильно и безопасно, но сама этому не вѣрила. Она понимала, что невѣжественная масса, легко возмущаемая страстью, никогда и нигдѣ не можетъ служить прочною опорою для правительства и, напротивъ, составляетъ самый удобный и горючій матеріалъ для агитаторовъ; что лучшее обезпеченіе общественнаго порядка составляютъ собственники, въ особенности собственники поземельные, привязанные всѣми интересами жизни къ родной почвѣ. Она понимала, что такими охранительными собственниками у насъ помѣщики, которые кромѣ матеріальнаго имущества владѣютъ относительно большею образованностію,

чѣмъ другія сословія; что только въ возбужденіи неудовольствія и раздраженіи этого класса могла надѣяться найти себѣ мимовольныхъ союзниковъ. Сближеніе ихъ въ Москвѣ съ правительствомъ было крайне непріятно для этой партіи, и вотъ она пустила въ ходъ мѣру, которая не могла не раздражить экономически растроенное дворянство, во-первыхъ потому, что была принята въ противность буквальнаго за-прещенія закона преслѣдовать всякое дѣйствіе помѣщика, совершенное въ силу крѣпостнаго права до изданія Положенія 19 Февраля, и во-вторыхъ потому, что наносила сильный ударъ разстроеннымъ и безъ того финансамъ помѣщиковъ. Должно признаться, что средство было рассчитано вѣрно!

Черезъ нѣсколько дней Валуевъ по обычаю возвратился въ Москву. Онъ привезъ мнѣ радостное извѣстіе, что предположенная мѣра отмѣнена; что по соглашенію съ военнымъ министромъ рѣшено за-всѣ проданныя рекрутскія росписки выдать зачетныя квитанціи. Та-кимъ образомъ помѣщики остались не затронутыми, ограждавшій ихъ законъ ненарушимымъ, права крестьянъ огражденными, правосудіе свято соблюденнымъ, а правительство явилось великодушнымъ и высокимъ. Сообщая мнѣ это, министръ присовокупилъ, что по сему случаю онъ имѣлъ (какъ онъ тогда выразился) съ Соловьевымъ «чувствительное объясненіе»; что Соловьевъ плакалъ, просился въ отставку, но министръ остался непреклоннымъ. Всегда вѣрный своему доброму направленію, Валуевъ прибавилъ, что ему жаль Соловьева. «Мы за это утѣшимъ его лентою къ новому году,» сказалъ онъ. Дѣло было въ Декабрѣ; ждать оставалось недолго: всего двѣ-три недѣли. Я не вытерпѣлъ. Награждать человѣка, который былъ предметомъ нена-висти цѣлаго сословія, когда правительство стремилось къ примире-нію, и притомъ награждать внѣ законнаго порядка, какъ награждаютъ за необыкновенную заслугу и тотчасъ по возвращеніи Государя въ С.-Петербургъ, значило подливать масло въ только что потухавшій огонь, значило не только дразнить Московское общество, но и от-крыто презирать его мнѣніемъ. Я высказалъ все это министру, ко-торый успокоилъ меня, сказавъ, что награда эта будетъ отложена до Пасхи.

Въ это время состоялось Высочайшее повелѣніе объ открытіи присутствія по дѣламъ духовенства. Оно было сформулировано по моей редакціи; условіе о неприкосновенности каноновъ было въ немъ со-хранено безъ всякаго измѣненія; я назначался управляющимъ дѣлами, но независимо отъ сего прибавлено безъ моего вѣдома, что завѣды-ваніе и начальство надъ канцеляріею предоставлялись оберъ-проку-рору Синода. Нужно знать, что когда за годъ передъ симъ я согла-

сился на принятіе званія управляющаго дѣлами присутствія, я сдѣлалъ это изъ чистаго усердія къ дѣлу церкви. Я тогда же заявилъ, что по этому званію не приму ни жалованья, ни награды, потому что не намѣренъ продавать церкви моего труда. Я ожидалъ, что положеніе мое, какъ управляющаго дѣлами, будетъ не только независимо, но что мнѣ будутъ предоставляемы доклады Государю по журналамъ присутствія, какъ это принято въ служебной нашей практикѣ во всѣхъ комитетахъ, журналы которыхъ восходятъ на Высочайшее утвержденіе. Всѣ эти виды мои истекали не изъ чувства самолюбія, а изъ сущности самаго дѣла. Кто сколько-нибудь знакомъ съ управленіемъ нашей церкви, тотъ не можетъ не знать, что главный недугъ ея заключается въ самой системѣ именно этого управленія. Я хотѣлъ привести въ моихъ докладахъ факты, свидѣтельствующіе объ упадкѣ духовенства вслѣдствіе исторически сложившихся причинъ; изъ нихъ было бы ясно, что безъ устраненія сихъ послѣднихъ никакое улучшеніе въ клирѣ немыслимо. Я зналъ, что духовные члены первѣе всего обратятся къ государственному казначейству и въ душѣ радовался, что оно не можетъ удовлетворить ихъ требованію. Недостатокъ государственной казны лучше всего долженъ былъ по моему мнѣнію обратить присутствіе на путь внутреннихъ преобразованій синодальнаго управленія, какъ на единственное средство улучшенія клира и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, указываемое совокупно и канонами, и исторіею нашей церкви. Я думалъ, что важность предмета, вызывающая равно важныя мѣры, быть можетъ, укажетъ даже на необходимость собора. Можетъ быть, планы мои должны были признаны мечтами; но подобныя мечты одушевляютъ дѣятеля, сообщаютъ ему то постоянство и стойкость, которыя называются энергіею. И вотъ состоявшееся Высочайшее повелѣніе разрушило всѣ мои виды..

Я былъ огорченъ до глубины души, но не выказалъ этого передъ министромъ. Я только скромно сказалъ ему, что, согласившись служить подъ начальствомъ Валуева, я чрезъ это не давалъ согласія подчиняться Ахматову или князю Урусову, а потому долженъ отказаться отъ участія въ дѣлахъ присутствія. Министръ совѣтовалъ этого не дѣлать теперь, а выйти послѣ нѣсколькихъ засѣданій. Такой совѣтъ былъ еще чувствительнѣе для моего самолюбія. Мало того, что мною распорядились безъ моего вѣдома, меня даже не считали нужнымъ, и выбрасывали какъ орудіе нигуда негодное! Я скрылъ мое неудовольствіе и рѣшился остаться. Я думалъ еще, что постоянство труда и направленія все-таки сдѣлаютъ свое. Я надѣялся, что Валуевъ, при искреннемъ желаніи добра церкви, не смотря на обнаруживающееся

ко мнѣ охлажденіе, первый подастъ мнѣ руку помощи, и тотчасъ, по возвращеніи въ Петербургъ, принялся за работу.

Прежде всего я составилъ тѣ вопросы, о которыхъ уже упомянулъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Я раздѣлилъ ихъ на три главныя категоріи: 1) о матеріальныхъ средствахъ и нуждахъ приходскаго духовенства; 2) о тѣхъ ограниченіяхъ въ гражданскихъ правахъ, которыя оно признаётъ наиболѣе для себя стѣснительными, и 3) о тѣхъ правахъ или преимуществахъ, согласныхъ съ духомъ нашего общаго законодательства, которыхъ приобрѣтеніе оно считало бы для себя особенно полезнымъ.

Зная антагонизмъ, существующій между бѣлымъ и монашескующимъ духовенствомъ, имѣющимъ въ лицѣ епархіальнаго и училищнаго начальства огромное вліяніе на духовенство приходское, я предлагалъ разослать эти вопросы на разсмотрѣніе сего послѣдняго въ мѣстныхъ собраніяхъ подъ предсѣдательствомъ благочинныхъ, съ тѣмъ чтобы отвѣты были изъяты изъ-подъ вліяній мѣстныхъ архіереевъ и консисторій. Духовные чины и самъ оберъ-прокуроръ, противодѣйствія которыхъ, признаюсь, я очень опасался, одобрили какъ вопросы, такъ и способъ ихъ разсмотрѣнія. Наканунъ засѣданія я представилъ ихъ министру, который, вопреки моихъ надеждъ, объявилъ мнѣ категорически, что на мѣстные стѣзды духовенства, онъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, согласиться не можетъ. За симъ, разсмотрѣвъ проектъ вопросовъ, онъ $\frac{3}{4}$ изъ нихъ нашелъ излишними и предложилъ мнѣ представить присутствію остальные, лишенные всякаго значенія и теперь уже всѣмъ извѣстные, какъ повсемѣстно разосланные.

Прискорбно было для меня это возраженіе со стороны, отъ которой я не чаялъ. Исключенные вопросы были серьезно мною обдуманы, повѣрены людьми спеціальными, одобрены, какъ я сказалъ уже, духовными членами, и перехерены при одномъ поверхностномъ чтеніи! Способъ разсылки ихъ измѣненъ, и присутствіе осуждено получать отвѣты духовенства чрезъ уста епархіальнаго начальства.

Возвратясь домой, я написалъ къ Валуеву записку, полную одушевленія; я говорилъ ему о тѣхъ надеждахъ, которыя не я только, но все приходское духовенство на него возлагаетъ; я умолялъ его измѣнить свое рѣшеніе. Въ отвѣтъ получилъ я записку, написанную очень сухо, что Валуевъ, возбудивъ одинъ всё это дѣло, будетъ умѣть и вести его, а мнѣ предоставляетъ внести докладъ мой по моему усмотрѣнію, оставаясь самъ при выраженномъ воззрѣніи. Я видѣлъ, что всякая надежда на успѣхъ была потеряна; что, внеся мой первоначальный проектъ, я не поправлю дѣла, потому что мнѣ было бы же-

стоко противу рожни прѣти, и представилъ его въ томъ видѣ, въ какомъ вышелъ онъ изъ-подъ карандаша Валуева.

Съ этой минуты мнѣ было ясно, что Валуевъ перемѣнился ко мнѣ окончательно. Послѣдствія ежедневныя убѣждали меня въ этомъ. Друзья мои торжествовали: Тройницкій, во время оно бывшій со мною вѣжливымъ до излишества, чтобы не выразиться рѣзче, теперь принималъ какой-то насмѣшливо покровительственный тонъ; Соловьевъ разыгрывалъ роль великодушнаго друга! Всё это огорчало меня тѣмъ болѣе, что и самъ министръ не скрывалъ своей перемѣны. Такъ, при докладахъ департамента, онъ почти не слушалъ ихъ, казался разсѣяннымъ, не обращалъ вниманія на мои объясненія и, напротивъ, внимательно выслушивалъ моего вице-директора, давая рѣшенія согласно съ его взглядами. Когда мнѣ случалось приходить къ нему съ предложеніями какихъ-либо общихъ мѣръ, онъ едва удостоивалъ меня выслушиванія и не только не принималъ ни одной, но даже и не возражалъ на нихъ. Между тѣмъ были такія, которыя заслуживали по крайней мѣрѣ вниманія. Приведу себѣ на память одну мысль, оставленную, какъ и всѣ подобныя, безъ послѣдствій.

Въ эпоху, къ которой относятся настоящія строки, только что начинался сепаратизмъ Малороссовъ, который теперь достигъ до огромныхъ размѣровъ. Я подалъ записку министру, въ которой, изложивъ опасность, угрожающую намъ возможнымъ усиленіемъ этого возникавшаго врага, предлагалъ не дѣйствовать исключительно полицейскими средствами, арестами и ссылками, а прибѣгнуть къ прессѣ. Указавъ на главныхъ коноводовъ этой партіи въ Галиціи, я говорилъ, что они пока еще не слишкомъ компрометированы, возвратъ ихъ возможенъ, если только ловко приняться за дѣло; но позже это будетъ невысказано. Я предлагалъ свои услуги и изъявлялъ готовность ѣхать съ этою цѣлію во Львовъ. Смѣю сказать, что мысль эта была практически вѣрна. Исполненіе ея не требовало со стороны правительства никакого пожертвованія, препятствій быть не могло; но она осталась безъ послѣдствій. Валуевъ какъ бы въ шутку со мною соглашался; не разъ даже, смѣясь, спрашивалъ: когда я поѣду во Львовъ? И только! Между тѣмъ событія оправдали мои опасенія. Сепаратическія стремленія Малороссовъ развились окончательно; передовыя личности этого племени компрометировались безвозвратно; Галицкія газеты, имѣющія столь сильное вліяніе на наши южныя провинціи, наперерывъ печатаютъ противъ насъ самыя враждебныя статьи, повторяемыя во всѣхъ Славянскихъ журналахъ; Польская интрига торжествуетъ, а Московскія Вѣдомости пришли къ необходимости совѣтывать министру принятіе репрессивныхъ, коерситивныхъ мѣръ.

Вспомню еще объ одной предложенной мною мысли. Тотчасъ по составленіи комиссіи для занятій по судебной реформѣ, я обратилъ вниманіе Валуева на то направленіе, какимъ отличались призванные къ тому законодатели. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе ошибочности самыхъ началъ, принятыхъ въ основаніе реформы, я обратилъ вниманіе министра на то, что это дѣло задумано въ ту печальную эпоху, когда правительство путемъ постоянной снисходительности начинало лишаться авторитета и когда неблагонамѣренные люди не только было основали подпольную прессу, но отваживались даже на уличныя демонстраціи; что вліяніе эпохи должно непременно отразиться на предстоящую реформу, какъ на результатъ того времени; что члены комиссіи всѣ проникнуты недоброжелательствомъ къ административной власти и подъ видомъ свободы суда стремятся связать ей руки; что назначеніе главныхъ областныхъ судей, съ огромнымъ жалованіемъ, съ іерархическими преимуществами, равняющимися сенаторскимъ, и съ вліяніемъ на пять губерній, совершенно уничтожаетъ значеніе губернатора, особенно той губерніи, гдѣ будетъ имѣть пребываніе такой судья; что, наконецъ, если такое назначеніе необходимо, то не менѣе необходимо для охраненія правительственнаго авторитета назначить въ эти губерніи генераль-губернаторовъ. Замѣчаніе мое о направленіи членовъ комиссіи было тѣмъ основательнѣе, что они, приглашая въ качествѣ экспертовъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, исключили изъ нихъ министерство внутреннихъ дѣлъ кромѣ медицинскаго департамента, котораго они миновать не могли; а между тѣмъ, по тѣсной связи судебного слѣдствія съ полицейскимъ и по необходимости въ употребленіи полиціи при исполненіи судебныхъ рѣшеній, они безцеремонно и безъ вѣдома министерства распорядились ею въ своихъ проектахъ такъ, что полиція, еслибы проекты эти прошли, вдругъ очутилась бы въ прямой зависимости отъ прокуроровъ. Всѣ это я считалъ долгомъ высказывать министру, не смотря на то, что ясно видѣлъ, что онъ ничего моего уже не принималъ въ уваженіе.

Быть можетъ, взгляды мои были ошибочны. Признаюсь, что съ ними можно не соглашаться; но думаю и теперь, что они по самому свойству своихъ предметовъ заслуживали вниманія. Они брошены были какъ пустой хламъ.

Въ концѣ Декабря 1862 г. вышло новое положеніе о городскихъ и земскихъ полиціяхъ. Со времени отсылки въ Государственный Совѣтъ тѣхъ замѣчаній на первоначальный проектъ, о коихъ я говорилъ выше, я ничего не зналъ о ходѣ этого дѣла. Я сказалъ уже, что тогда же докладывалъ министру, что штаты всѣ составлены ошибочно, и что руководствоваться въ этомъ случаѣ трудами комиссіи было не-

возможно. Каково же было мое удивленіе, когда я получилъ новое положеніе о полиціи съ размѣромъ суммы, исчисленной по этимъ штатамъ! Оказалось, что министру угодно было поручить Соловьеву, помимо департамента полиціи, вести все дѣло о штатахъ, а онъ работалъ, не взявши даже ни одной отъ меня справки, такъ что я рѣшительно ничего объ этомъ не зналъ. Оставляя въ сторонѣ оскорбленіе моего служебнаго самолюбія, я былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе, будучи обязанъ приводить въ исполненіе невозможное.

Чтобы имѣть точное понятіе о неудовлетворительности самыхъ началъ, на которыхъ были основаны эти штаты, нужно знать, что наши реформаторы, находясь съ одной стороны въ необходимости увеличить содержаніе чиновниковъ по крайней мѣрѣ до разумной цифры, представляющей возможность существованія, а съ другой—не имѣя для сего достаточныхъ источниковъ, вообще прибѣгаютъ къ мѣрѣ, обращенной ими въ принципъ: къ сокращенію наличнаго состава служащихъ лицъ и къ увеличенію содержанія на счетъ упраздненныхъ должностей. Такое правило, впервые приложенное къ дѣлу въ морскомъ министерствѣ, если и можетъ быть принято, то не иначе какъ подъ условіемъ удовлетворительности остающагося числа чиновъ для безостановочнаго хода дѣлъ, что вообще безъ радикальнаго измѣненія цѣлаго механизма государственной администраціи едва ли возможно; въ противномъ случаѣ этотъ способъ улучшенія содержанія чиновниковъ обратится въ *Тришкинъ Кафтанъ*. Это случилось и съ штатами полиціи, о которыхъ я говорю. Правда, содержаніе ея увеличено, но наличный составъ ослабленъ до крайности. Наемныя канцеляріи, при ограниченности суммъ для сей цѣли, оказались хуже коронныхъ, которыя, подчиняясь служебнымъ законамъ, были воздерживаемы страхомъ наказанія и дурною аттестаціею, лишавшею ихъ возможности продолжать службу, тогда какъ наемныя, содержаніе которыхъ хотя обходится казнѣ дороже, но все же не достигаетъ размѣра, который бы могъ привлечь въ нихъ людей нравственныхъ и вполнѣ благонадежныхъ, подвергаясь суду на основаніи общихъ законовъ, требующихъ чтобы воръ воровалъ или зажигатель поджигалъ непременно при свидѣтеляхъ, остаются увѣренными въ безнаказанности, и случаи кражи ими документовъ уже теперь нерѣдкость. Такимъ образомъ употребленный правительствомъ излишній расходъ на улучшеніе полицій въ сущности обращенъ на усиленіе содержанія почти исключительно частныхъ праставовъ, потому что содержаніе исправниковъ и другихъ чиновъ въ сравненіи съ ними весьма незначительно.

Новымъ закономъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось, не выходя изъ общей, утвержденной на всю полицію суммы и строго держась размѣра содержанія, назначеннаго для каждаго чина нормальными штатами, распредѣлять по собственному усмотрѣнію какъ число чиновниковъ исполнительныхъ, такъ и количество канцелярской суммы на каждую полицію отдѣльно, относя сію послѣднюю къ тому или другому изъ трехъ разрядовъ, которые указаны въ нормальныхъ штатахъ. Эта работа, сама собою довольно копотная, была чрезвычайно затруднительною по тѣмъ поверхностнымъ и невѣрнымъ источникамъ, которыми руководствовалась коммиссія и которые приняты были Соловьевымъ въ основаніе при исчисленіи штатныхъ суммъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи новыхъ штатовъ оказалось, что, кромѣ того, что наличное число полицейскихъ чиновъ было очень уменьшено, нѣкоторые города были вовсе не приняты въ расчетъ и пропущены въ списокъ, а число членовъ полицій отъ сословій, содержаніе коихъ относилось къ общимъ вновь указаннымъ источникамъ, вовсе не было исчислено. Такимъ образомъ новые штаты представляли совершенную путаницу, которую распутать было суждено мнѣ. Пустить въ ходъ штаты въ томъ видѣ, въ которомъ я ихъ получилъ, конечно было бы легко; но, кромѣ огромныхъ затрудненій на мѣстѣ, меня останавливало въ этомъ и личное мое самолюбіе. Никому конечно не пришло бы въ голову, что штаты мною подписанные составлены Соловьевымъ, а потому весь этотъ сумбуръ былъ бы приписанъ мнѣ; этого мнѣ не хотѣлось.

Чтобы имѣть при распредѣленіи содержанія полицій и ихъ канцелярій данныя болѣе вѣрныя нежели тѣ, которыми руководствовался Соловьевъ, я раздѣлилъ всѣ губерніи по группамъ, которыя по экономическимъ своимъ условіямъ представляли наиболѣе между собою сходства, а потому на содержаніе чиновника требовали одни и тѣже суммы. За симъ, въ отношеніи числа полицейскихъ чиновъ, я между этими группами сдѣлалъ подраздѣленія на основаніи количества народонаселенія, пространства мѣстности и развитія торговыхъ и другихъ сношеній. Далѣе, чтобы не сдѣлать какихъ-либо ошибокъ, которыя были бы обязательны для мѣстныхъ губернаторовъ, я предположилъ во 1-хъ предоставить имъ, руководствуясь составленными для каждой мѣстности штатами, какъ нормою, увеличивать или уменьшать составъ и канцелярскія суммы полицій одну на счетъ другой по дѣйствительной въ томъ надобности, и во 2-хъ войти въ концѣ года съ особымъ представленіемъ въ министерство, еслибъ и за симъ гдѣ либо потребовалось увеличеніе числа исполнительныхъ чиновниковъ. Но чтобы не поставить министерства въ затрудненіе при такомъ представленіи губернаторовъ и дать ему средства къ удовлетворенію могущихъ от-

крыться потребностей, я предположилъ отнимать отъ опредѣленнаго штатами числа чиновъ и канцелярскихъ суммъ 10%, и пополнивъ ими тѣ полиціи, которыя были пропущены Соловьевымъ, имѣть остальные въ запасъ. Всѣ эти предположенія были утверждены министромъ, и я занялся приведеніемъ ихъ въ исполненіе постепенно, отсылая утверждаемые министромъ штаты къ губернаторамъ по порядку составленныхъ группъ.

Между тѣмъ, за нѣсколько недѣль до описываемаго мною времени, когда еще охлажденіе ко мнѣ Валуева не было столь явнымъ, онъ въ видѣ участія къ моему положенію предложилъ мнѣ въ частной бесѣдѣ званіе сенатора. Хотя для меня было ясно, что меня хотѣли, что называется, «сбыть», однакоже я не выказалъ этого и отвѣчалъ только, что предпочитаю настоящую мою должность сенаторской. Я надѣялся не на возстановленіе прежнихъ интимныхъ моихъ отношеній къ Валуеву, но на то, что все же могу быть полезнымъ; мнѣ было совѣстно бросить дѣло, когда, какъ мнѣ казалось, содѣйствіе мое было не лишнимъ. Я заблуждался, и министръ скоро вывелъ меня изъ этого заблужденія, не только не принимая, какъ я сказалъ уже, ни одного моего предложенія, но и не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Такимъ образомъ я скоро убѣдился, что голосъ мой былъ фальшивою нотою въ хвалебномъ концертѣ, которымъ окружающіе Валуева его угощали; что я не только не могу принести ни малѣйшей пользы дѣлу, но еще скорѣе повредить ему: ибо я видѣлъ, что было достаточнымъ моего слова, чтобы предлагаемая мѣра была оставлена, которая безъ того была бы приведена въ исполненіе. Оставаться въ такомъ положеніи было бы по моимъ понятіямъ нечестно, и я рѣшился воспользоваться первымъ случаемъ для моего увольненія. Случай скоро представился; его возбудилъ самъ Валуевъ.

Послѣ обычнаго доклада департамента, я остался на нѣкоторое время у министра для бесѣды. Валуевъ заговорилъ о моихъ трудахъ, о томъ, что я усталъ и что время мнѣ отдохнуть. Я вполнѣ согласился. Онъ снова предложилъ мнѣ сенаторство, какъ почетное увольненіе. Я отвѣчалъ, что лучшаго ничего желать не могу; но мнѣ хотѣлось бы получить это назначеніе послѣ полученія обѣщанной мнѣ земли, такъ какъ, выйдя изъ министерства, я уже буду навсегда лишень всякой возможности къ такой наградѣ. Валуевъ затруднялся исходатайствовать и то и другое одновременно, и потому, въ видахъ облегченія для меня обѣщанной награды, предложилъ принять пока званіе члена совѣта министра. Было очевидно, сколько нетерпѣливо ему хотѣлось разстаться со мною, какъ съ директоромъ; и съ моей стороны было бы безразсудно усиливаться оставаться въ моей долж-

ности. Но быть членомъ совѣта я не желалъ и согласиться не могъ, потому что этотъ способъ употребляется съ директорами, которыхъ выгоняють, а я не только не считалъ себя въ этомъ положеніи, но не хотѣлъ и другимъ дать даже повода думать, что мною недовольны. Кромѣ того, въ совѣтъ, въ послѣднее время, были назначены члены съ двусмысленною репутаціей, а попасть въ эту категорію я согласиться не могъ. Я отвѣчалъ, что предпочитаю быть пока причисленнымъ къ министерству; что чрезъ это будетъ очевидно, что я оставилъ департаментъ по собственному желанію, ибо въ противномъ случаѣ вышелъ бы прямо въ отставку. Министръ не согласился; онъ хотѣлъ увольненіе мое сдѣлать почетнѣе и придумалъ званіе «состоящаго при лицѣ министра». Я изъявилъ на это согласіе; но, возвратясь домой и обдумавъ это предложеніе, въ тотъ же вечеръ послѣдшилъ заявить ему, что, предоставляя устройство моего положенія собственному его усмотрѣнію, долженъ однакоже оговориться, что состояніе при лицѣ министра низводитъ меня въ положеніе чиновника особыхъ порученій и вовсе не представляется почетнымъ. Отвѣта на эту записку я не получалъ.

Послѣ этого объясненія, рѣшившаго выходъ мой изъ департамента, отношенія мои съ Валуевымъ сдѣлались гораздо пріятнѣе. Казалось, ему было легче, что онъ уже, такъ сказать, развязался со мною, и были случаи, въ которыхъ онъ по прежнему даже обращался ко мнѣ съ довольно откровенными бесѣдами. Такъ въ началѣ вспыхнувшего въ Варшавѣ мятежа, онъ, разговаривая со мною объ этихъ обстоятельствахъ, высказывалъ нѣкоторое удовольствіе, что иностранныя державы оставляютъ намъ полную свободу дѣйствія, не вмѣшиваясь нисколько въ Польское дѣло. Съ своей стороны я не измѣнилъ ни правдивости, ни искренности моихъ объясненій. Я сказалъ, что въ дѣлѣ Польскаго мятежа, какъ и во всякомъ другомъ вопросѣ, есть два средства, выборъ которыхъ въ рукахъ правительства. Если ему угодно будетъ продолжать идти путемъ либеральнаго прогресса, то прежде всего нужно вывести изъ царства наше войско, щадя кровь его, поставить его въ видѣ кордона на границѣ Имперіи и предоставить конгрессовую Польшу ея судьбѣ. Если же правительство намѣрено удерживать этотъ край въ прежней связи съ Россіей и произвести въ немъ либеральныя реформы прочно и плодотворно, то прежде всего слѣдуетъ прогнать изъ Варшавы Велепольскаго съ братією, назначить туда Русскихъ чиновниковъ, словомъ «натянуть канву» и потомъ вышивать по ней какія угодно будетъ фигуры. Средины между этихъ двухъ путей я не допускалъ. Я говорилъ, что Европейскіе кабинеты не вмѣшиваются въ Польское дѣло потому, что признають за нами ту обя-

занность, которая лежит на каждом правительствѣ—собственными средствами прекращать внутренніе безпорядки, но что если мятежъ продолжится два-три мѣсяца, то Европа начнетъ намъ предписывать законы.

Министръ былъ видимо недоволенъ этимъ объясненіемъ; оно повело къ новой размолвкѣ, къ дальнѣйшему охлажденію.

Чрезъ нѣсколько дней я получилъ записку отъ Валуева; онъ извѣщалъ меня конфиденціально, что предварилъ Государя, что я нездоровъ, и что состояніе моего здоровья, быть можетъ, не позволитъ мнѣ продолжать службу въ званіи директора. Государь, продолжалъ Валуевъ, изъявилъ объ этомъ сожалѣніе и изволилъ согласиться на пожалованіе мнѣ 4 т. дес. земли въ Самарской губерніи. Участіе обожаемаго мною Государя утѣшило меня болѣе самой награды. Но обдумывая далѣе мое положеніе, я не могъ не быть вполне благодарнымъ Валуеву за пожалованіе земли, которая существенно поправила мои разстроенныя дѣла. И теперь и тогда я сознавалъ, что поступокъ его былъ великодушнѣе. Правда, ему хотѣлось сколь можно скорѣе со мною разстаться; правда и то, что, по *моимъ* понятіямъ, я не прегрѣшилъ передъ нимъ и всегда желалъ быть ему полезнымъ, что служилъ честно, работалъ неутомимо. Но правда также, что въ глазахъ Валуева я былъ кругомъ виноватъ; ему казалось, что возраженія мои внушены мнѣ желаніемъ быть ему непріятнымъ, и при такомъ взглядѣ потребно много благородства, чтобы сдѣлать добро тому, кого считаешь своимъ недоброжелателемъ.

Я поспѣшилъ лично изъяснить ему мою благодарность. Дѣло было въ началѣ Апрѣля; онъ сказалъ мнѣ, что приказъ о моемъ увольненіи долженъ состояться 17 числа. Я напомнилъ ему о званіи сенатора, и это было тѣмъ легче исполнить, что министръ юстиціи заявилъ ему о своемъ на это согласіи; но Валуевъ нашелъ, что двѣ награды вмѣстѣ для меня невозможны...

